

НА

КРАЙ ЛЮБВИ

ЗА

80 ДНЕЙ

КЕЙ СИ ДАЙЕР

Хэппи-энд (Neo)

Кей Си Дайер

На край любви за 80 дней

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дайер К.

На край любви за 80 дней / К. Дайер — «Издательство АСТ»,
2020 — (Хэппи-энд (Neo))

ISBN 978-5-17-136285-0

Роми Кини, работающая в маленьком книжном магазине дяди, мечтает однажды поступить в киношколу и поехать в Париж. Но мирная жизнь Роми рушится в одночасье, когда здание книжного выкупает новый хозяин. Единственный способ спасти его от разорения – найти высокооплачиваемую работу. Поэтому Роми решает устроиться на стажировку в компанию, воссоздающую по заказу богатых клиентов знаменитые путешествия литературных героев. И ее задание – организация тура по следам Филеаса Фогга из всем известного романа «Вокруг света за 80 дней». Казалось бы, что может быть проще в наше время? Но увы, задание не такое простое, как кажется на первый взгляд. Хотя бы потому, что у Роми всего семь недель на его выполнение, а пользоваться коммерческими авиалиниями категорически запрещено. Вдобавок ко всему у Роми есть соперник? – красавец Доминик Мэдисон, племянник бизнесмена, нацелившегося на магазин ее дяди... Но Роми намерена принять вызов и отправиться навстречу увлекательным приключениям и, конечно же, большой и настоящей любви!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136285-0

© Дайер К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	44
Глава 14	48
Глава 15	50
Глава 16	52
Глава 17	57
Глава 18	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кей Си Дайер

На край любви за 80 дней

© kc dyer, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящается М. и Дж.

Из-за вас мне пришлось ползти задом в дыру под землей.

Я не жалею

Глава 1

Снимок: Отражения в витрине книжного
Инстаграм¹: Роми_К [Нью-Йорк, 14 марта]
#ДвеСтарыеКоролевы #ВитринаМагазина #НеожиданноеЗатруднение
13 ♥

Почти готово.

Допечатав последние буквы поста, я нажимаю кнопку загрузки, закрываю приложение и бросаю взгляд на часы. Уже опаздываю – правда, пока всего на пару минут. Но я не обновляла инстаграм целую неделю и не могла дольше тянуть.

Я давно на ногах. Проснулась ни свет ни заря и уже несколько часов корплю над продвижением нашего магазина в социальных сетях. Книжная лавка «Две старые королевы. Книги и чай» стояла на этом самом месте, на задворках Ист-Виллидж, когда меня еще не было на свете, да и моего дяди тоже. Правда, в те далекие времена она называлась по-другому. «Книги Бэгшоу», что ли? По-моему, я видела где-то в кладовке старую фотографию. Надо бы ее найти. Она будет великолепно контрастировать с материалом, добавленным сегодня утром. Ладно, в другой раз. И так опаздываю.

К счастью, до работы – рукой подать. Спуститься на три лестничных пролета. Я живу в этой однокомнатной квартирке над магазином почти два года, с тех пор как снимавший ее профессиональный клоун – я не шучу – исчез как-то ночью, оставив после себя россыпи конфетти и наводящее дрожь количество лопнувших воздушных шариков. Во всяком случае, я надеюсь, шариков. Я честно старалась так думать, сметая их с пола, выгребая из шкафчика и душевого стока.

В общем, я настолько увлеклась публикацией новых поступлений, что потеряла счет времени. Меня всегда мучают сомнения, как бы поэффектнее представить новую книгу. Обычно я делаю несколько десятков снимков и уже из них выбираю лучший.

Я загружаю фото в инстаграм, который автоматически перенаправляет его на фейсбук, затем отдельно выставляю в твиттер и снэпчат, чтобы появилась картинка, а не только ссылка. На все это уходит куча времени, зато посещаемость сайта, а в конечном итоге и магазина, растет. По крайней мере, я себя в этом убеждаю. И дядю Мерва тоже.

После окончания колледжа, начав работать в магазине полный день, я пообещала дядюшке, что аккаунты в соцсетях привлекут к нам клиентов. Он до сих пор ворчит, что никакие картинки в Интернете не помогут продаже настоящих бумажных книг, а я уверена, что помогут.

А теперь я из-за них опаздываю. Стараясь не стучать каблуками, я спускаюсь по черной лестнице, которая ведет в переулок за домом. Там есть задняя дверь, через нее практически никто не ходит. Напротив стоят мусорные контейнеры, и пахнет от них далеко не розами, зато есть шанс избежать недремлющего ока дядиного партнера Томми, который никогда не упустит случая сделать мне замечание.

Нырять в подсобку, и запах мусорки сменяется теплым ароматом, исходящим от старенького кофейника Томми. Слава богу, удалось проскользнуть незамеченной. Я спешу закончить

¹ Компания «Meta», к которой относятся социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм», признана экстремистской и ее деятельность на территории России запрещена.

работу, которую не доделала прошлым вечером: рассортировать кипу книг, завещанную нам одним постоянным клиентом.

В «Двух старых королевах» такое частенько случается: кто-то умирает, а их дети или внуки, которые не любят читать, привозят книги нам. Большая часть таких поступлений бесполезна. У нас уже полное собрание бульварных романов Жаклин Сьюзанн. Как низшее звено в иерархии нашего маленького книжного королевства, я разбираю завалы и передаю дядюшке Мерву все, что представляет хоть какую-то ценность, а тот уже принимает окончательное решение.

Завершив перебирать кипу, я страшно довольна собой. Разобралась с соцсетями, закончила висевшее со вчерашнего дня дело, наметила планы на неделю в ежедневнике и даже ухитрилась избежать выговора Томми за небольшое опоздание. Правда, впереди – долгий рабочий день, зато я уже знаю, как проведу вечер: с огромной тарелкой лапши фо и «Черной пантерой», найденной в куче приготовленных на выброс дисков с не вошедшими в фильм кадрами мускулистого торса Эрика Киллмонгера. И не надо мне рассказывать, что я не умею жить.

Я вновь раскрываю ежедневник и вычеркиваю дела, законченные утром. Затем, сложив в аккуратную стопку книги, отобранные для дядюшки, толкаю спиной распашную дверь и вваливаюсь в торговый зал.

Здесь я прервусь, чтобы дать вам более ясное представление о «Двух старых королевах». Заглянув в витрину, вы не увидите ничего особенного. В нише над дверью – деревянная вывеска, которая изображает королеву Викторию, неодобрительно смотрящую на королеву Елизавету; та отвечает ей безмятежным взглядом. Магазин стоит на углу, с которого видно парк Томпкинс-сквер, то есть почти в центре Ист-Виллидж, Нью-Йорк. Благодаря относительной удаленности от проторенных туристических троп у нас тут спокойно, не сравнить с фешенебельными Сохо и Гринвич-Виллидж.

Витрина, за которую отвечает Томми, партнер моего дяди, обновляется раз в сезон, а если у того сыграет творческая жилка, то и чаще. В уголке притаился скромный чайный бар – никаких пакетиков, только настоящий заварной чай, а в центре – самая обычная стойка с огромным и очень старым кассовым аппаратом. У него такие тугие кнопки, что на них больно нажимать. А когда пробиваешь покупку, раздается приятный мелодичный звон.

За порядком следит зеленоглазая любимица Томми – грациозная и величественная кошка мраморного окраса по имени Рианна. В общем, полный комплект для любого уважающего себя независимого книжного магазина. Что отличает «Двух старых королей» от ему подобных – так это расположение товара. Знаете, библиотекари часто называют полки штабелями. «Если меня будут спрашивать, я ишу палеонтологический справочник в дальнем штабеле». У нас же все поверхности буквально уставлены шаткими стопками книг. Время от времени какая-то из них теряет равновесие и падает. Обычно это проделки Рианны. Когда такое случается, все бросают свои дела и дружно сооружают новую пирамиду. Если под завал ненадолго угодила покупатель, работа идет быстрее.

Я борюсь с этим хаосом, сколько себя помню. Всю сознательную жизнь я только и делаю, что пытаюсь помочь дядюшке Мерву привести в порядок его детище. Время от времени мне удается что-нибудь улучшить – найти новую компьютерную программу для систематизации поступлений или внедрить классификацию, основанную на чем-то более осмысленном, чем алфавит, а потом все опять идет насмарку.

Тем не менее в магазине всегда тепло. Каждый читатель здесь – желанный гость. У нас пахнут старыми книгами, сладким чаем и пряными ароматами десятков тысяч историй, таящихся между переплетами. И лишь самую малость – кошкой.

Вот и сейчас посреди зала возвышается больше десятка книжных колонн от пола до потолка – наши последние приобретения. Я тружусь над ними неделями, и мне удалось совер-

шить чудо: выстроить несколько столбов, начиная с самой большой книги и заканчивая самой маленькой. И все же дело продвигается медленно: книги постоянно прибавляются.

Добавив последний штрих к стопке семейных Библий в половину человеческого роста – в округе недавно произошел всплеск похорон, – я поднимаю голову и замечаю перед кассой двух незнакомцев, беседующих с дядюшкой Мервом.

Как я уже упоминала, наш магазинчик находится в стороне от избитых дорог, так что посетителей можно пересчитать по пальцам. В основном это постоянные клиенты, отбившийся от группы турист заглядывает к нам исключительно редко. С тех пор как закрыли «Старбакс» в соседнем квартале, бизнес чуть оживился, но толпы у нас практически не бывает. Двое покупателей одновременно – уже аншлаг. Такое случается разве что на Рождество или когда члены местного книжного клуба устраивают обсуждение Джейн Остен.

Пошатываясь под весом книг, я подхожу к кассе; сильнее, чем присутствие сразу двоих покупателей, меня удивляет выражение дядино лица. Молодость Мерва, никогда не скрывавшего свою ориентацию, пришлась на семидесятые годы. Он пережил травлю, кризис со СПИ-Дом и даже истерики Томми, когда я забывала, что вилки должны лежать не слева, а справа от тарелок. Его кредо – «Живи и давай жить другим», что во многом объясняет нынешнее состояние нашей книжной лавки. Моего дядю трудно выбить из колеи, и уж если он выглядит обеспокоенным, на то должны быть веские причины.

Я останавливаюсь, придерживая подбородком стопку книг, и рассматриваю стоящих перед конторкой мужчин. Первый – низенький толстяк с оранжевым искусственным загаром и осветленными волосами, в мятом верблюжьем пальто. За ним от самой двери тянется грязный снежный след. Я испуганно ищу взглядом Томми, который придет в бешенство при виде этого безобразия; слава богу, тот куда-то отлучился. В зубах у незнакомца торчит измочаленный огрызок сигары, к счастью, не зажженной. Несмотря на то что дядя Мерв на голову выше толстяка, с его лица не сходит напряженное выражение.

– Рамона, – негромко произносит Мерв, – это мистер Фрэнк Винал. Насколько я понимаю, новый владелец нашего здания.

– Правильно понимаешь, ага, – с тяжеловесным акцентом жителя пригорода подтверждает мистер Винал. – Выиграл вчера вечером эту домину на двух парах в покер, потому что умею блефовать.

Он подозрительно щурится в моем направлении и толстым языком передвигает сигару в угол рта. Потом заглядывает в бумаги, которые держит в руках.

– Рамона? Та самая «Рамона Кини, квартира 2Б»?

Воспользовавшись моментом, я опускаю стопку книг на прилавок. Спутник Винала неловко переминается с ноги на ногу. Он ближе мне по возрасту, высокий, темнокожий, с черными вьющимися волосами до плеч. Гм... где-то я его уже видела. Парень весьма привлекателен, и при обычных обстоятельствах я бы голову сломала, вспоминая, где мы могли встречаться.

Данные обстоятельства трудно назвать обычными. Тем не менее я высовываю голову из-за стопки книг и пытаюсь поймать его взгляд. Когда же мне это удастся, он отворачивается, сохраняя бесстрастное лицо.

– Да, я Роми Кини, – наконец отвечаю я, бросив встревоженный взгляд на дядюшку.

– Так вот, куколка, с прошлой полуночи все здание принадлежит мне, – самодовольно заявляет Винал. – И поскольку в наше время нормальные люди книг не читают, думаю, ваше заведение не оправдывает своего существования. Считайте это официальным предупреждением. Или вы платите мою цену, или у вас есть сорок пять дней до прихода рабочих. – Он с ухмылкой поворачивается к молодому спутнику. – Я подумываю о мини-студиях, Ник. За ними будущее.

И тычет дяде в лицо бумагу, на которой написано: «Имущественный акт». Мерв отступает на шаг, а Винал хватается юношу за руку.

– Это мой... скажем, племянник, Доминик. Он будет ежемесячно приходить за деньгами.

– Мы всегда переводили их через банк, – говорит Мерв.

Винал пренебрежительно отмахивается и швыряет на прилавок новое соглашение об аренде.

– Я сторонник личных контактов, – ехидно заявляет он и направляется к выходу.

Спутник Винала бросает ошеломленный взгляд ему в спину, застывшую на миг при звоне колокольчика.

– Он мне не дядя, – чуть слышно произносит молодой человек и поспешно выходит за дверь.

Мерв тяжело опускается на табурет за прилавком. Уже сам этот факт показывает глубину его отчаяния: дядюшка всегда считал, что сидят за кассой только отъявленные лентяи. В этот момент в дверь врывается Томми, закутанный в несколько шарфов, в огромной меховой шапке-ушанке, прикрывающей лысину. В руках у него – пакеты со свежей выпечкой.

Пока Томми снимает пальто и расставляет пирожные под стеклянными колпаками на чайной витрине, Мерв рассказывает ему последние новости. Тот раздражается слезами. Вряд ли это поможет.

В конце концов я укладываю Томми на мягкий диванчик в квартирке за магазином и оставляю наедине с его любимым телесериалом, поставив на столик чай и тарелку с шоколадными эклерами, а сама мчусь в магазин. Пока меня не было, Мерв вызвал подкрепление – Розу Руис по прозвищу Справедливая Роза. Ей восемьдесят шесть, а до выхода на пенсию она была судьей окружного суда. Роза – наша соседка и постоянная клиентка. Она заходит каждую неделю, чтобы купить «Таймс» и «Ола латинос» и выпить чаю с чем-нибудь сладеньким. Сегодня на ней спортивный костюм цвета фуксии и пара биркенштоков, выставляющих напоказ ярко-бирюзовый педикюр.

Разобраться в юридических хитросплетениях непросто, но после того как я нахожу лупу, миссис Справедливость делится с нами своими мыслями, и до нас доходит весь ужас сложившегося положения.

В новом договоре написано, что, поскольку порядок приобретения помещения дает Виналу право пренебречь историческим регулированием арендной платы, он увеличивает сумму аренды втрое. Мы никогда не сможем себе этого позволить. Если мы не внесем плату до первого мая, до которого осталось меньше семи недель, нам грозит выселение.

Весь рабочий день я бегаю туда-сюда между кассой и квартирой, доставляя Томми свежий чай, чтобы он не плакал и не расстраивал Мерва.

Томми с Мервом держат этот магазинчик в Нижнем Манхэттене больше тридцати лет, и мысль, что они могут его потерять, приводит всех нас в ужас. Справедливая Роза уходит вздремнуть, а Томми с Мервом сидят бок о бок на пухлом диванчике, в сотый раз перечитывая документ в надежде найти лазейку, которую не заметила бывшая судья.

Когда наступает послеобеденное затишье, я на цыпочках прокрадываюсь в квартиру, чтобы выяснить, чего добились дядюшки. Заглянув в комнату, я вижу, что Томми уснул с открытым ртом, откинувшись на спинку дивана, а Рианна устроилась у него на коленях. Мерв держит в руках злополучный документ, но уже не читает, а тупо смотрит в одну точку.

Заметив меня, он пытается выдавить улыбку.

– Ну, что? – едва слышно шепчу я, опасаясь разбудить тихонько похрапывающего Томми.

– Думаю, нам конец, – качает головой Мерв. – Ты ведь знаешь, Роза была экспертом в своем деле, и если даже она не видит выхода...

Его голос прерывается от волнения. Я протискиваюсь между диваном и кофейным столиком и усаживаюсь в ногах у дядюшки.

– Послушай, я накопила две тысячи семьсот долларов на учебу в киношколе. Этого хватит на пару месяцев...

Лицо Мерва выражает такой ужас, что остальные слова застревают у меня в горле.

– Ни за что, – шепчет он и замирает: Томми зашевелился.

Рианна бросает на меня недовольный взгляд и прыгает на спинку диванчика.

– Вы воспитываете меня с тринадцати лет, – с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать, произношу я. – Позволь мне помочь.

– Мы ни за что не прикоснемся к твоим деньгам, – возмущенно шепчет он, – но я найду выход, обещаю.

Я выхожу на звон колокольчика, а Мерв заботливо укутывает Томми вязаным покрывалом с тюльпанами.

Покупательница просит показать нашу коллекцию Норы Робертс: вдруг найдется роман, которого она еще не читала. Я оставляю ее наедине с любимой писательницей, а сама иду на преступление – достаю телефон в торговом зале. Косясь на заднюю дверь, чтобы не спалиться перед Мервом, я пишу единственному человеку, с которым мне хотелось бы поговорить.

Джерс, ты занята?

Сейчас начинается лекция. Позвонить тебе вечером?

А приехать можешь? У меня жуткие неприятности

Черт. Срочно?

Не очень. До вечера подождет

Позвоню после 8

Ладно. Пока

Едва я успеваю сунуть телефон в выдвижной ящик под кассой, как появляется Мерв. Чуть не попалась, но оно того стоило. Посоветоваться с подругой всегда полезно. Джерси что-нибудь придумает.

Остаток рабочего дня, пока я ищу нужные покупателям книги и продаю несколько чайничков чая, меня не покидает беспокойство. Я прекрасно понимаю, что мой широкий жест никого не спасет. С таким повышением аренды мои сбережения способны лишь ненадолго продлить агонию.

Магазин словно окутывает вуаль обреченности. Мне так плохо, что, когда перед закрытием появляется Джона Дросс, я соглашаюсь пойти с ним.

Глава 2

Снимок: Фарфоровая чашка
Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 14 марта]
#ВремяПитьЧай #НежелательноеПредложение
5 ♥

Так вот, Джона Дросс. Наверное, у каждой женщины есть такой знакомый. С первого взгляда вроде неплохой парень. Высокий, нескладный, с острыми локтями. Джона руководит колл-центром через дорогу. Он работает по ночам и заходит к нам почти каждый день перед закрытием выпить чашку чая. Книги Джону не интересуют, читать ему некогда. Он рабочий человек, понимаете? В этом-то и беда.

Я знаю, что Джона живет с матерью в квартире с видом на взлетную полосу аэропорта Ньюарк, но ни за что ему этого не скажу.

Обычно его визит начинается так: звенит колокольчик, и в дверь, не вынимая рук из карманов, вваливается Джона. Вокруг него витают миазмы дезодоранта «Акс», точнее, дешевой подделки из магазина «Все по одному доллару».

– Доброе утро! – жизнерадостно приветствует он любого, кто находится в данный момент в магазине – при том, что дело происходит вечером. Если незадачливый собеседник осмеливается на это указать, Джона, просияв добродушной улыбкой, снисходительно похлопывает его по плечу и говорит: – Может, для вас и вечер, а для меня самое что ни на есть утро.

Если покупателей нет, Джона просто кивает Мерву, тот бормочет приветствие и возвращается к своим делам.

Обычно, услышав звук колокольчика, я бросаю свое занятие и бегу за чайный прилавок. Джона притормаживает перед стеллажом с комиксами, но, заметив меня, особенно если я замешкалась, спешит к прилавку. Хлопает ладонью по стойке и ухмыляется.

– Как обычно, девах, – говорит он.

Изо дня в день. Первый год я каждый раз просила:

– Пожалуйста, не называй меня девахой, Джона.

Бесполезно. У Джоны находится тысяча оправданий. «Да я тебя подкалываю», «Это просто такое выражение», «Господи, Роми, ты что, шуток не понимаешь?»

Хуже того, Джона постоянно хватает меня за разные части тела. Нет, не подумайте ничего такого: он не вкладывает в свои прикосновения сексуального подтекста, просто во время разговора ему нужно доверительно держать меня за рукав. Расплачиваясь за чай, он похлопывает меня по плечу. Сжимает запястье, когда делится новостями о своей работе. Не говоря уже о том, что по официальным праздникам, когда мы открыты, мне приходится уворачиваться от его объятий. «Я должен тебя как следует отблагодарить».

Я пробовала игнорировать Джону – едва завидев его, пряталась в подсобке, и даже терпеливо объясняла, что именно мне не нравится в его поведении. Ничего не получилось, и через какое-то время я сдалась. Последние полгода я молча делаю ему чай и принимаю деньги, чтобы он скорее ушел. Единственное, чего я добилась, – к стандартному набору фраз добавилась еще одна: «Ты что, язык проглотила?»

А пару месяцев назад кто-то настучал на фирму Джоны властям. При виде выходящих из колл-центра сотрудников иммиграционной службы у меня внутри все сжалось. Когда улеглась пыль – в данном случае больше подходит слово «снег», потому что дело было зимой, – половина работников колл-центра исчезла. Надо отдать ему должное, Джона испытал ужасное

потрясение. Трое сотрудников, подлежащих депортации, работали в центре дольше, чем он сам. Он лично поручился за полдюжины работников, которые находились в стране на законных основаниях, просто не оформили вовремя бумаги. Остальных горячо обнял на прощанье и взял на их места людей с документами. С тех пор Джона уговаривает меня перейти в колл-центр. Это вошло в его постоянный репертуар.

«Доброе утро! Как обычно, деваха! Ты что, язык проглотила? Слышь, Роми, могу предложить тебе работу получше. Переходи к нам, будет круто. Что скажешь?»

До сегодняшнего дня я стойко молчала. Обычно, набив карманы пакетиками сахара, Джона подмигивает мне и неохотно направляется к двери. Только сегодня я разваливаюсь на кусочки. Ровно без четверти пять звенит колокольчик. Я со вздохом ставлю на полку книгу и ныряю за стойку.

– Доброе утро! – раздается знакомый голос.

Мерва за кассой нет. Я достаю банку с чаем «Эрл Грей», а Джона подходит ко мне, хлопает рукой по стойке и с ухмылкой произносит:

– Как обычно, деваха!

– «Эрл Грей»? – спрашиваю я, не давая ему возможности перейти к предположению о проглоченном языке.

Джона удивленно таращит глаза и радостно говорит:

– Точно, «Эрл Грей». Спасибо, Роми! – Он настолько ошарашен, что принимает у меня чашку с чаем, не успев перепрограммировать автопилот, и продолжает: – Слушай, Роми, я могу...

– Хорошо, – перебиваю я, не дав ему закончить.

Джона потрясенно открывает рот и дергается от изумления. Горячий чай расплескивается на стойку и ему на руку. Он даже не замечает.

– Ч-что? – каркает бедолага.

Я протягиваю ему салфетки и вытираю пролитый чай.

– Хорошо, пойду с тобой и посмотрю, как там у вас, – говорю я. – Хотя пока ничего не обещаю.

Джона врывается за стойку, хватая меня за руку и что есть мочи трясет.

– Прекрасная новость, – ошеломленно произносит он. – Не могу поверить!

– Я тоже, – бормочу я, швыряя в раковину тряпку и хватая пальто.

В этот момент Мерв возвращается на свое место за кассой. Он потрясен не меньше Джоны.

– Я отлучусь ненадолго. Скоро вернусь и помогу тебе с бухгалтерией, – говорю я и решительно направляюсь к выходу.

Не успеваем мы перейти через дорогу, как Джона приходит в себя.

– Фантастика! – кричит он, хватая меня за плечо. – Обещаю тебе, не пожалеешь!

Я закусываю губы и уклоняюсь от горячих объятий, которые он пытается растянуть на все время ожидания зеленого света. Тем не менее я позволяю Джоне придержать для меня дверь, когда мы входим в здание. В другой руке у моего спутника по-прежнему чашка с чаем, так что он вынужден оставить меня в покое. Приятно иной раз одерживать маленькие победы.

Колл-центр вгоняет меня в еще большее уныние, чем его хозяин. Пять этажей под землю. Макрабство в чистом виде. Двери лифта разъезжаются, и мы оказываемся в гигантском зале, разделенном на сотни крошечных кабинок. Пахнет пылью и какой-то химией: фреоном, что ли? За перегородками сидят люди с остекленевшим выражением лица, которое не меняется, когда мы проходим мимо. Низкий серый потолок, серые стены, и угадайте с трех раз, какого цвета перегородки кабинок. С потолка, выложенного звуконепроницаемой плиткой, вяло свисают замусоленные вымпелы с девизами. «Измени себя!» «Живи завтрашним днем!» «Окупись

в свою стихию!» Мне больше всего нравится «Мысли иначе!». По-моему, они стащили это у «Эплл». Наверное, все эти флажки где-то украдены, хотя не сегодня и не вчера. Похоже, они висят здесь с незапамятных времен. Промозглый воздух наполнен монотонным гулом: негромкие односторонние разговоры, гудение кондиционеров и ламп дневного света. Этот бездушный офис даже близко не напоминает наш уютный магазинчик, и мое сердце сжимает ледяная рука клаустрофобии.

Ведя меня по центру, Джона воодушевленно рассказывает подробности работы, а я не в силах даже притвориться, что мне интересно. Когда мы наконец оказываемся в стеклянной коробке, заменяющей ему кабинет, он усаживает меня на стул, чтобы я заполнила анкету. Я спасаюсь бегством, взяв с собой листок с анкетой и пообещав сообщить окончательное решение на следующий день. На прощанье приходится вытерпеть еще одно, последнее объятие, длящееся целую вечность. Зарплата немислимо высокая, но чего это будет мне стоить?

Я выскакиваю на улицу и возвращаюсь в магазин. Завидев меня, Мерв сияет, отказывается от помощи с балансом и расспрашивает, что за работа в колл-центре.

Не решаясь озвучить ему сумму жалованья, я бормочу что-то невразумительное и поднимаюсь в свою квартиру. Меня угнетает не только наше бедственное положение, но и то, как обрадовался дядюшка перспективе моего трудоустройства. Одной головной болью для него меньше. Ужас.

Глава 3

Снимок: Стеллаж с кулинарными книгами
Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 14 марта]
#ЛюбовьВКнижномМагазине #КВВ
2 ♥

В десять минут девятого наконец звонит телефон. Моя подруга Джерси на два месяца и два дня старше меня. У нее красновато-коричневая кожа, круглые карие глаза и теплая белозубая улыбка. Она на пару сантиметров выше меня и полностью разделяет мое отвращение к командным видам спорта. Две высокие девушки, которые терпеть не могут баскетбол, – это дружба на века.

– Извини, я не смогу сегодня приехать, у меня в половине девятого встреча с научным руководителем. Что случилось? Выкладывай.

Бутылка вина уже открыта, я делаю большой глоток и начинаю рассказывать.

Самое главное, что вам следует знать – Джерси очень умная. Невероятно умная, на уровне физика-теоретика. Мы встретились и подружились в средней школе: две девочки-все-знайки, любившие читать. Вопреки своему имени, Джерси родилась на Лонг-Айленде, а в тринадцать лет переехала в Ист-Виллидж. Несмотря на то что она обогнала меня в учебе, наша дружба продолжалась. Я только начала учиться на бакалавра, а она уже подала документы в магистратуру по истории искусств.

Сейчас моя подруга готовится защищать докторскую диссертацию в области музейного искусства. Называется этот труд «Подавленная идентичность. Роль расы в современной кураторской практике». Чтобы вам было понятнее, это вторая диссертация. Джерси станет дважды доктором в двадцать семь лет. Дважды доктор наук и подруга, способная дать хороший совет.

Когда я заканчиваю свой скорбный рассказ, она молчит, и я уже начинаю думать, что нас разъединили.

– Нет, я здесь, – говорит Джерси. – А Джона из колл-центра действительно так ужасен, Роми? Может быть, тебе стоит поработать у него пару месяцев?

Я задумчиво смотрю на телефон и наконец шепчу:

– Наверное, придется.

Если даже она не видит выхода, все пропало. Наступает неловкое молчание, и я слышу у нее в квартире стук в дверь.

– Черт, – ворчит она. – Мне пора, пока.

– Спасибо, что выслушала, – благодарю я, но Джерси уже отключилась.

Посидев минут десять, я немного успокаиваюсь и начинаю думать, что делать дальше. В библиотеку идти поздно. Я достаю ежедневник и составляю список.

Работа, которая нравится мне больше, чем колл-центр:

1. Помощник библиотекаря
2. Бариста
3. Бариста в библиотечном кафе
4. Уборщица
5. Контролер в метро
6. Проверяющий сумки в библиотеке

Доступная работа, где платят больше, чем в колл-центре:

...

Не придумав ни единого пункта для второго списка, я открываю ноутбук и просматриваю вакансии на сайте «Монстр»², и даже, да простит меня вселенная, на «Линкедин». Но экономика в городе переживает спад, и я не могу найти ни одной должности, где платили бы столько же, как в колл-центре. Вероятно, моя подруга права, Джона не так ужасен. В конце концов я засыпаю на диване, и мне снится, что я работаю на осьминога. У него восемь скользких рук и лицо Джоны из колл-центра.

Часа в два ночи я вздрагиваю и просыпаюсь: неожиданно вспомнила, где видела племянника Винала. Разумеется, у себя в магазине, где еще я бываю? Тогда я приняла его за обычного покупателя. А вдруг он пришел шпионить за нами по поручению своего дяди, зловредного домовладельца?

Я вновь откидываюсь на подушки и прокручиваю в голове ту встречу. Она произошла во вторник... или в среду? Я разбирала новое поступление – коллекцию фэнтези в бумажных обложках. Книги были в неплохом состоянии. Их оставил своей дочери наш постоянный покупатель, старик Гарольд. Его дочь Дженис – тоже постоянная клиентка. Отец привил ей любовь к чтению, только она предпочитает Джудит Крэнц и Даниэлу Стил. Я узнала о смерти старика, когда Дженис привезла большую коробку с романами «Игра престолов» и «Колесо времени». Я сочувственно обняла Дженис, и она отправилась в похоронное бюро, а я стала разбирать книги ее отца.

Прежде чем я заметила Зловредного Племянника, тот успел пробраться в глубины лавки. Я привыкла, что по утрам нас посещают только пенсионеры, которые свободно располагают своим временем и могут копошиться в книгах хоть целый день, и даже не подняла головы, когда звякнул колокольчик. Однако, отправляя в стопку на уничтожение опального Роберта Джордана, я заметила краем глаза какое-то движение. Сначала я увидела мелькнувший над полкой с кулинарными книгами затылок, и лишь через некоторое время выяснила, что он принадлежит высокому темнокожему парню с завязанными в конский хвост волосами. Пока я в ступоре пялилась на затылок нашего клиента, тот триумфально присвистнул и скрылся из виду. Через пару секунд парень уже спешил ко мне с толстой книгой в руках, и я наконец рассмотрела его лицо.

Должна признаться, оно произвело на меня неизгладимое впечатление – ведь тогда он еще не был Зловредным Племянником. Я подумала, что это просто покупатель, только молодой и красивый. Темные волосы, выразительные глаза, легкая спортивная походка. Я мысленно отнесла его к высшему сорту читателей – КВВ: Красивый, с Выдающимся Вкусом. Систему оценки изобрели мы с Джерси, когда работали в магазине у дядюшек на летних каникулах в пятнадцатилетнем возрасте. Интересные ребята, посещающие книжные магазины, уже тогда были редкостью, и Джерси старалась не упускать потенциальных кандидатов для свиданий, встречавшихся на нашем пути. Она считала достойными флирта всех, кто получал семь с половиной баллов.

В свою защиту могу сказать, что наша система отличается от сексистской десятибалльной шкалы, поскольку основана не на внешних признаках, а на читательских интересах. Жанр книги не имеет значения, мы не снижаем оценку парням, читающим графические романы или даже комиксы, главное – качество исходного материала. Джерси – любительница триллеров, но покупатель, хлопнувший по прилавку Дэном Брауном, получал не больше тройки с плюсом.

² Крупнейший сайт в мире по поиску работы и персонала. – *Примеч. ред.*

Что касается меня, то я накидывала баллы за любую романтическую составляющую, независимо от жанра. В пятнадцать лет мы с Джерси решили, что за человека, получившего десять баллов, можно даже выйти замуж. Представляете, в каком плачевном состоянии находится моя личная жизнь, если я до сих пор не встретила ни одного покупателя, который получил бы недостижимую десятку?

В общем, когда симпатяга в белой шефской униформе под паркой положил на прилавок книгу «Французский шеф в Америке», меня это заинтриговало.

– Джулия Чайлд, – с улыбкой произнес незнакомец.

От него пахло корицей, гвоздикой и свежим хлебом – неудивительно, учитывая выбор книги. Я стала путано объяснять, что это не кулинарная книга, его улыбка отвлекала, да еще приходилось подсчитывать в уме. Я написала на листке бумаги 7,5, чтобы рассказать Джерси. Его левая бровь приподнялась, образовав острый треугольник.

– Ага, знаю. Кулинарная книга у меня уже есть. Хочу прочесть о ее жизни.

Я зачеркнула 7,5 и написала 8,5. Я вообще не сильна в светских беседах, а книгу даже не читала, только бегло просмотрела аннотацию, когда ставила на полку. У меня язык присох к горлу, и лишь через какое-то время я проблеяла, преодолев смущение:

– Ты шеф-повар?

– Был когда-то, – ответил он, пришив серьезное выражение лица.

Мне вдруг отчаянно захотелось узнать о нем побольше и при этом не показаться слишком любопытной.

– Четыре пятьдесят, – выдавила наконец я.

Он положил на прилавок пятерку, а протянутые мной два четвертака опустил в жестянку для пожертвований с надписью «Спасите детей».

– Хорошего дня, Рамона, – вновь улыбнувшись, сказал он и направился к выходу.

Я не успела даже предложить пакет. Стыдно признаться: я подумала, что он прочел мое имя на бейджике, потому что я ему понравилась.

– Спасибо, – крикнула я вслед парню. – Тебе тоже! До встречи!

Тот вышел, даже не оглянувшись. Вот так понравилась! Я поняла, что никогда больше его не увижу, и не стала даже звонить Джерси, чтобы обсудить его рейтинг. Так обстояли дела до сегодняшнего утра.

Значит, визит был подстроен? Он зашел не случайно, его прислал дядя, перед тем как играть в карты на наш магазин? Меня захлестывает стыд. Боже, какой кошмар! Я подумала, что он КВВ, а он пришел, чтобы разрушить наше семейное предприятие. Меня еще долго мучают чувство вины и тревога, и лишь под утро я проваливаюсь в тяжелый сон.

Глава 4

Снимок: Сладости в ассортименте
Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 15 марта]
#СудьбоносныеПирожные #ЛистокНаВетру
13 ♥

К утру снегопад прекращается, хотя тротуары все еще покрыты ледяной коркой. Томми подхватил простуду. Я закутываюсь в шарф, чтобы защититься от пронизывающего ветра, гуляющего между домами, и отправляюсь в «Патисseries Клер» за круассанами. Не успев выйти на улицу, я ныряю обратно, чтобы захватить фотоаппарат. Серые тучи, неделями затягивавшие небо, рассеялись, и сквозь туман пробивается малиново-красный шар солнца.

Я фотографирую, сколько себя помню. Мой отец работал фотографом, и я научилась обращаться с фотоаппаратом раньше, чем начала говорить. Он снимал для Ассошиэтед пресс за границей: Фолклендские острова во время конфликта, Ирландия. А после моего рождения перешел на фриланс. Поступив в Нью-Йоркский университет, я, разумеется, выбрала основной специальностью фотографию. Всегда мечтала учиться дальше, но... в общем, вы понимаете. Жизнь непредсказуема. После такой новости о магазине возвращение в киношколу исключительно маловероятно.

Теперь я в основном утоляю свои эстетические чувства постами в инстаграме, почти всегда выкладывая снимки в монохроме. Я живу в одном из прекраснейших городов мира, грех этим не пользоваться. Телефон всегда под рукой, а в особых случаях я достаю старый папин «Кэнон».

Отмороживая пальцы, я фотографирую пейзаж, стараясь не смотреть прямо на солнце. Лишь когда оно скрывается за башнями Стайвесант-тауна, вешаю фотоаппарат на шею и направляюсь в пекарню.

Клер такая же француженка, как и я, но в выпечке ей нет равных. Что же выбрать? Обязательно – круассаны, миндальные и шоколадные, дюжину слоеных плюшек и, наверное, пти-фуры, если еще остались.

На середине квартала порыв ветра срывает с головы шарф. Я приостанавливаюсь под фонарем, чтобы его поправить. Когда я заправляю концы шарфа под воротник, мое внимание привлекает полощущийся на ветру листочек, приклеенный к столбу. На нем написано:

ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА
«ЭКСПЕДИЦИИ ЭКСЛИБРИС» – ОТКРОЙ КНИГУ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
Требуется менеджер по планированию специальных проектов
Заявления подавать лично

Текст набран на компьютере, а номер телефона написан от руки внизу, на разрезанных вертикально полосках.

Кутаясь в шарф, я добегаю до кондитерской и начинаю выбирать сладости, но странное объявление все не выходит из головы. Если не считать фотографии, единственное, в чем я сильна, – это планирование. Еще бы, столько лет проработать в независимом книжном магазине! Чтобы организовать дядюшку Мерва, мне приходится напрягать все силы. И пусть я никогда не слышала об «Экспедициях Экслибрис», одно знаю точно: если им нужен человек, способный планировать, это ко мне. Я всю жизнь только и делаю, что строю планы. Пойти в киношколу. Больше выходить на люди. Встретить идеального бойфренда.

Последняя мысль настолько меня отвлекает, что Клэр приходится дважды озвучить сумму покупки. Я протягиваю деньги и выхожу навстречу ветру, прижимая к себе коричневый бумажный пакет с вкусностями.

Ноги сами несут меня к столбу. Очевидно, работа заинтересовала не только меня: одной полоски не хватает. Когда я пытаюсь оторвать вторую, листочек отклеивается и улетает прочь. Преследуя его, я слышу, как трещит пальто у меня под мышкой: разошлось по шву. Я догоняю листовку только возле кирпичной стены колл-центра. Она измята и потрепана, так что вновь прикрепить ее к столбу не получится. К тому же у меня нет ни скотча, ни скрепок. А кроме того... На полоске написан номер телефона, но адрес странной конторы напечатан мелким шрифтом внизу листка. Сжав его в руке, я поднимаю голову и вижу мигающую оранжевую надпись: «Цифровой контакт». Там, глубоко в подземелье, ждет меня логово дракона – серый офис, украшенный измочаленными вымпелами. Приняв решение, я засовываю листок в карман и шагаю навстречу ветру. Теперь никакие силы не заставят меня согласиться работать у Джоны.

Остаток дня я помогаю покупателям и составляю алфавитный список новых поступлений. После закрытия навожу порядок на прилавке и собираюсь к себе, как вдруг меня окликают дядюшка Мерв. Их с Томми квартира, расположенная в тыльной части магазина, больше, чем моя, и это справедливо, ведь в ней живут двое мужчин и кошка. Гостиная, заставленная пухлыми креслами с обшарпанной обивкой, благоухает ароматической смесью сухоцветов, собранной лично Томми. Я провела здесь немало счастливых часов, но сейчас меня охватывает тревога. Томми возится на кухне. В перерывах между приступами кашля он подпевает своей любимой арии из «Травиаты». Доносящиеся с кухни запахи базилика и чеснока почти перебивают аромат сухоцветов. Мерв делает серьезное лицо и прочищает горло.

– Мне сегодня три раза звонил Джона Дросс, – говорит наконец он.

Черт!

– Послушай, он пристает ко мне со своей работой уже несколько месяцев, и я просто сходила, чтобы он отстал.

Мерв поднимает руку.

– А идея-то неплохая, – негромко произносит он, и я умолкаю. – Если хочешь, я сокращу твои часы, и ты сможешь работать у него.

– И думать забудь. Ты прекрасно знаешь, как я люблю наш магазин, тебя и Томми.

Мерв сжимает мою руку.

– Понимаешь, я больше не могу платить тебе зарплату, – говорит он таким тоном, что у меня разрывается сердце.

Мы оба замолкаем и прислушиваемся к приступам кашля на кухне.

Через некоторое время я вновь обретаю голос.

– Не волнуйся, я найду работу.

Меня охватывает паника, в крови вскипает адреналин. Я вскакиваю.

– Останешься на ужин? – вздохнув, спрашивает Мерв. – По-моему, Томми не заразный.

Пряча в карман дрожащие руки, я натягиваю фальшивую улыбку и мотаю головой.

– У меня кое-какие дела.

– Понятно, – говорит дядюшка, – одевайся потеплее.

Глава 5

Снимок: Библиотечный лев

Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 15 марта]

#НьюЙоркскаяПубличнаяБиблиотека #ТерпениеИлиСтойкость #ПорядокИзХаоса

6 ♥

Такой дикий приступ паники можно победить только одним способом. Одевшись потеплее, как велено, я выхожу на улицу и смотрю в телефон. Мне сопутствует удача – сегодня они работают допоздна. Библиотека никогда не подведет.

Обычно я добираюсь до главного филиала Нью-Йоркской публичной библиотеки на поезде номер семь. Филиал на Малберри-стрит чуть ближе, но в тяжелых случаях помогает только главное отделение. Кроме того, опыт показывает, что при панических атаках полезна физическая активность. Пройдусь пешком.

Туристический сезон в Нью-Йорке никогда не прерывается, даже в пронизывающе холодном марте. Приближаясь к центральной части Манхэттена, я вхожу в образ коренной жительницы Нью-Йорка: опущенная голова, широкий, быстрый шаг. Главное – ни с кем не встречаться взглядом. Это помогает держать на расстоянии уличных приставал, а сегодня есть и еще одна причина: я не хочу, чтобы кто-то прочел в моих глазах страх.

К тому времени как показываются Терпение и Стойкость, два каменных льва перед входом, я почти бегу. Уже перевалило за семь, до закрытия осталось меньше часа, ну и ладно. То, за чем я пришла, не займет много времени. Выстояв очередь, я показываю охраннику сумку и захожу в святая святых.

Останавливаюсь в сторонке и вдыхаю. Как ни странно, в «Двух старых королевах» запах совсем другой. Разумеется, здесь тоже пахнет книгами, чернилами и бумагой, но как-то более ухоженно – в помещениях поддерживают правильную температуру, а стеллажи источают приятный запах лимонного полироля.

Большинство посетителей направляются в главный читальный зал – светлый, с большими окнами и высокими потолками – или в отдел рукописей и архивов. Я же отделяюсь от толпы, резко сворачиваю влево и оказываюсь в своем любимом зале.

Понятия не имею, кто такие Мириам и Айра Д. Уоллах, но вы не представляете, сколько раз они помогали мне сохранить здравый смысл. Зал Уоллахов – библиотечный архив фотографий. И мое самое любимое место на свете. Вам нужен редкий дагеротип тысяча восемьсот пятидесятого года? Или вы ищете что-то из коллекции Энни Лейбовиц? А может, хотите ознакомиться с историей всего, что когда-либо появлялось на пленке? Тогда вам в зал Уоллахов.

Честно говоря, фотографии меня не интересуют. Раньше я их разглядывала. Много раз. Когда училась в колледже, я приходила каждую неделю именно за этим. Если твой основной предмет – фотография, здесь можно найти ответы на многие вопросы. Но теперь я прихожу сюда за другим: чтобы вспомнить, как дышать.

Посидеть в настоящем деревянном кресле с прямой спинкой, за монументальным столом, где ты четко осознаешь свое место в этом мире. Положить кончики пальцев на отполированную поверхность, не заваленную горами бумаг, журналов, новых и старых книг всех жанров. Понаблюдать за библиотекарем, который встает из-за стойки в другом конце комнаты, чтобы вернуть на место недостающие элементы. Сортирует. Раскладывает. Наводит порядок.

Здесь находится организационный центр вселенной. Нью-Йоркская публичная библиотека – вторая по величине в стране и третья в мире. В ней собрано более пятидесяти трех

миллионов экземпляров книг и работает около трех тысяч человек. Здесь всегда царит идеальный порядок. Стоит мне сесть в пронумерованное кресло в своей любимой комнате, и через несколько минут, даже секунд, на меня снизойдет умиротворение. Это место действует, как одеяло. Знаете, такое мягкое, тяжелое, которое успокаивает и помогает уснуть. Если, конечно, ты не страдаешь клаустрофобией.

Вам кажется странным, что человек, который работает в книжном магазине, ищет успокоения в библиотеке? Что я могу сказать? Может, и так. Знаю одно: мне это реально помогает.

Сегодня вечером почти все полированные столы в зале Уоллахов свободны, лишь у самой двери сидит женщина в красиво задрапированном на плечах шарфе, заколотом брошью. Перед ней лежат три фолианта, и она полностью погружена в работу – не отрывается от своего занятия, когда я влетаю в комнату.

Библиотекарь поднимает голову и хмурится. Хорас носил стрижку ежиком и черные очки в роговой оправе, сколько я его знаю – то есть задолго до того, как они вернулись в моду. Когда Хорас узнает меня, морщинка у него на лбу разглаживается. Правда, он делает успокаивающий жест рукой, призывая сбавить обороты, но я и сама уже замедляю ход, изображая подобие улыбки и пробираюсь к дальнему краю третьего, своего любимого, стола.

Я еще даже не заняла привычный уголок, а мне уже лучше. На столе перед Хорасом – ящичек старого карточного каталога. Наблюдая, как он аккуратно возвращает на место маленькие картонные квадратики, я непроизвольно улыбаюсь – впервые с тех пор, как в нашей жизни появился зловредный новый домовладелец.

Вытащив книгу, которую я использую как прикрытие, я опускаю под стол сумку и занимаю свое место. Я всегда ношу с собой книгу и читаю, как только выдается свободная минутка – в поезде, на светофоре. Сегодня это – последний детектив Дениз Майны, действие которого происходит в Глазго. Я слишком возбуждена, чтобы читать, но все равно открываю роман и вставляю закладку.

Согласно правилам, это тихий зал, и когда шум от моего вторжения утихает, воцаряется абсолютная тишина. За два ряда от меня дама в элегантном шарфе перебирает содержимое своих папок. Тихое шуршание бумаги по столу еще больше успокаивает.

Все будет хорошо, иначе и быть не может. Наш бессердечный домовладелец и его Зловредный Племянник не могут одержать верх. Если они победят, то в мире воцарится хаос, а цель всей моей жизни, мое главное предназначение – устранять хаос. Делать так, чтобы все шло гладко. Нужно перенести то, что я вижу вокруг себя, на более широкую плоскость. Здесь каждая вещь имеет свое четко определенное место. Мне нужна вера, что это правило работает для всего мира. В более крупных, космических масштабах, безусловно, есть оправдание для существования даже Фрэнка Винала. Только не в моей жизни. И не в жизни самых дорогих мне людей.

Сзади раздается шорох, и я инстинктивно переворачиваю страницу, но, подняв взгляд, вижу Хораса. Он отвечает за этот зал на пару с женщиной по имени Джудит, которая чаще работает по утрам, и с ней я сталкиваюсь реже. Хорас и Джудит работали здесь задолго до того, как я открыла для себя это место. Вместе они действуют как хорошо смазанный механизм. Они терпеливо и методично делают свою работу, чтобы каждый получил то, за чем сюда пришел.

За эти годы мы с Хорасом ни разу не обсуждали мою потребность приходить сюда в поисках порядка, когда вся остальная моя жизнь катится под откос, да и зачем? Мы испытываем обоюдную симпатию. Возможно, этому способствует тот факт, что моя семья – два пожилых гея.

Тем не менее Хорас крайне редко покидает свое место за стойкой, и я вопросительно смотрю в его сторону. По-зимнему бледное лицо осеняет несмелая улыбка, и я забываю о своих неприятностях.

– Все в порядке? – выдыхает Хорас мне в ухо.

Ему удастся высказать свою озабоченность, не вторгаясь в мое личное пространство.

– Теперь да, – шепотом отвечаю я, зная, что этого достаточно: Хорасу не нужно объяснять, он все понимает.

Раздается тихий шорох, и на полированной поверхности стола появляется фотография.

– Этот снимок попал ко мне на стол на прошлой неделе, – легчайшим зефиром дышит Хорас мне в левое ухо. – И мне почему-то показалось, что он предназначен для тебя. То есть что я должен поделиться им с тобой.

Посмотрев на снимок, я перевожу взгляд на библиотекаря. Блаженная улыбка становится чуть шире.

– Откуда это? – с усилием выговариваю я.

Мое новообретенное спокойствие поколеблено сильнее, чем когда-либо в этом обычно безопасном месте.

– Происхождение не совсем ясно, – шепчет Хорас. – Думаю, это фото из серии, снятой в Западных фьордах Исландии путешественником по имени Алекс. О нем (или о ней) никто толком ничего не знает, но за последние годы коллекция приобрела широкую известность, и мы начали собирать портфолио.

Он с улыбкой подвигает ко мне фото. Я зачарованно рассматриваю изображение. Обшарпанная серая стена. На земле – слой льда, а в дальнем углу – кучка грязноватого снега. Стена испещрена граффити, но фотограф навел фокус на девиз, написанный ярко-фиолетовой краской.

ДЕЛАЙ БОЛЬШЕ ТОГО, ОТ ЧЕГО ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ СЧАСТЛИВЫМ.

Слово «счастливым» написано заглавными разноцветными буквами.

– Сначала эта работа показалась мне жуткой банальностью, но чем больше я на нее смотрю, тем лучше понимаю, – негромко произносит Хорас и впервые за все время нашего знакомства трогает меня за плечо. – Вдруг ты тоже ухватишься за истину, заключенную в этой работе? – задумчиво добавляет он, поднимается и возвращается за стойку, оставив фотографию на столе.

«Что делает тебя счастливой, Рамона?» – вопрошает она.

– Библиотека, – шепчу я. – Моя работа. Наведение порядка в хаосе.

Я чувствую на себе пристальный взгляд женщины через два стола. Ее шарф почему-то развязан.

На меня внезапно находит озарение. Теперь я знаю, что делать. Осторожно взяв фото за краешки, я возвращаю его Хорасу. Он поднимает кулак, я стучу по нему своим и спешу к выходу.

Глава 6

Снимок: Небоскреб «Утюг»

Инстаграм: Роми_К [16 марта]

#Экслибрис #ШансИлиКатастрофа #Отчаянные- Времена

6 ♥

На следующее утро написанный на помятом листке адрес приводит меня к зданию, представляющему собой полную противоположность колл-центру. Поднявшись в блестящем хромированном лифте на сороковой этаж, я выхожу в вестибюль, и моему взгляду открывается круговая панорама Нью-Йорка с высоты птичьего полета. Я останавливаюсь полюбоваться родным городом и слышу за спиной осторожное покашливание.

Обернувшись, я вижу молодую женщину, словно сошедшую с картин прерафаэлитов: темные волосы и глаза, молочно-белая кожа. Она представляется как Пауэлл – просто Пауэлл, ассистент директора.

Я называю свое имя и борюсь с желанием вытащить из кармана помятый листок.

– Меня интересует вакансия менеджера по планированию. Она еще открыта?

Женщина с улыбкой встает с места.

– Не уверена, что окончательное решение принято. Давайте зайдем к директору.

– Потрясающий вид, – не удерживаюсь я.

И ни одного помятого вымпела!

– Из пентхауса еще круче. Просто дух захватывает, – улыбается Пауэлл.

Она ведет меня через стеклянный вестибюль к тяжелой двойной двери с табличкой, на которой выгравированы золотые буквы: *Тереза Сайфер, управляющий директор «Экслибриса»*.

Это немного сбивает меня с толку: я рассчитывала говорить максимум с начальником отдела кадров, а не с главой компании, но Пауэлл легонько стучит в дверь и открывает ее. Каждый день директора начинается с вида на Флэтайрон-билдинг, за которым в свете утреннего солнца блестит Ист-ривер. Комната представляет собой неописуемо элегантный кабинет: красное дерево, стекло, палисандр и книжные полки от пола до потолка по внутренней стене.

– Миз Сайфер, это Рамона Кини. Ее интересует... э-э-э... новая вакансия.

Тереза Сайфер встает из-за стола. Это хорошо сложенная платиновая блондинка в узком платье-футляре, с идеальным маникюром на крупных холеных руках. Вокруг нее витает густой аромат, состоящий из равных частей «Шанель номер пять» и сигаретного дыма. Безупречная матовая кожа, на вид от сорока до шестидесяти, если не больше. В одной руке она держит янтарный мундштук, другая покоится на перевязи, сделанной из шарфа «Эрмес».

Я не знаю, пожимать ли ей руку, и смущенно стою на месте, пока ассистентка закрывает за мной дверь.

– Садитесь, пожалуйста, – хорошо поставленным контральто говорит миз Сайфер, осмотрев меня с ног до головы.

Выдвигая стильное минималистичное кресло, я вспоминаю многочисленные надписи «не курить», встреченные по пути сюда, и с трудом удерживаюсь, чтобы не чихнуть.

Директор начинает беседу с краткого рассказа о своей компании. Как выясняется, «Экслибрис» занимается организацией литературных путешествий.

– Мы находим способы воссоздать путешествия, описанные в книгах, – объясняет она.

Я не знаю, что на это сказать. В ушах звучит голос Томми: «У некоторых людей больше денег, чем мозгов».

Я стараюсь подавить эту мысль и наконец произношу:

– Невероятно! Значит, вы все организовываете, оставаясь, так сказать, за кулисами?

Ее плечи приподнимаются.

– Ну, каждую мелочь предусмотреть невозможно. В каком-то смысле помогает то, что я по натуре игрок. Тем не менее мы ни разу не разочаровали клиента. Я горжусь нашей блестящей репутацией.

Она разворачивается на стуле, делая широкий жест по направлению полки с книгами.

– Мы предлагаем людям совершить путешествие их мечты. Мы организовали первые туры в Шотландию по «Чужестранке», – с улыбкой отмечает она, указывая рукой на ряд книг. – Должна признать, что теперь, когда серия обрела новую жизнь на телевидении, наше предложение стало чуточку менее эксклюзивным.

Я откидываюсь на спинку стула, обводя взглядом полки с книгами. Выбор удовлетворил бы даже дядюшку Мерва. Миз Сайфер продолжает объяснять, что организованные ее компанией литературные путешествия охватывают весь спектр впечатлений от воссоздания сцены праздника в «Истории Тома Джонса» Генри Филдинга до экскурсионного тура в Колумбию по следам произведений Габриэля Гарсиа Маркеса.

– Если местность из книги существует в реальности, мы доставляем туда нашего клиента, не важно, как далеко она находится. Наша цель – организовать приключение, которое человек никогда не забудет.

Я расплываюсь в улыбке.

– Как в «Удивительной гонке»? Приключения по всему миру?

Лицо моей собеседницы принимает каменное выражение.

– Разумеется, нет, – презрительно говорит она. – Наше предприятие не имеет ничего общего с безвкусыными реалити-шоу. Уверяю вас, это литературное начинание.

Я вжимаюсь в кресло. Мои любимые воспоминания детства – как я устраиваюсь между дядюшками на диване и смотрю «Удивительную гонку» по старенькому телевизору Томми. За исключением школьной экскурсии в Канаду в пятом классе, все мои путешествия по миру проходили в рамках этой передачи. Тереза Сайфер явно не разделяет моего восторга.

Наступает напряженная тишина, в которой слышно лишь тиканье больших настенных часов. Это становится невыносимым. Я прочищаю горло и спрашиваю о вакансии.

Тереза Сайфер вдавливая в пепельницу сигарету и выпрямляет спину.

– «Экслибрис» на подъеме, и нам не хватает персонала. Один из наших высокопоставленных клиентов, большой поклонник Жюль Верна, хочет совершить кругосветное путешествие по следам Филеаса Фогга. Ввиду сложности и высоких расходов на такую поездку я собиралась заняться организацией лично.

Она останавливается и осторожно поднимает руку на перевязи.

– К несчастью, на прошлой неделе я поскользнулась на гололеде и сломала руку. Даже свою сумку ношу с трудом, а о таком сложном путешествии не может быть и речи. – Она вперяет в меня вопросительный взгляд. – Надеюсь, вы читали книгу?

Все это время я потрясенно молчала, но теперь у меня прорезается голос.

– Разумеется, – отвечаю я, хотя читала роман еще подростком и помню весьма смутно.

Тереза Сайфер открывает портсигар и достает новую сигарету. Я подозрительно прищуриваюсь. Для начала, я абсолютно уверена, что эта женщина ни разу в жизни не поднимала ничего тяжелее театральной сумочки, не говоря уже о чемоданах.

Пора брать быка за рога.

– А можно узнать, в чем заключается работа?

Миз Сайфер щелкает золотой зажигалкой и глубоко затягивается.

– Работа заключается в том, – говорит она, медленно выпуская дым, – чтобы пройти по следам знаменитого литературного героя Филеаса Фогга. Все нюансы путешествия, включая

рекомендуемые средства передвижения, удобные места для остановки и связанной с поездкой деятельности, должны быть отражены в регулярных отчетах. Наши сотрудники в офисе собирают и анализируют полученную информацию и разрабатывают безопасное, удобное путешествие для клиента.

От удивления я открываю рот.

– Так это не просто планирование? Я... То есть человек, который займет эту должность, должен сам совершить кругосветное путешествие?

Тереза Сайфер кивает.

– Выбранный нами кандидат получит смартфон с камерой и кредитную карту с суммой, достаточной для покрытия ежедневных дорожных расходов, проживания и питания. Приемлемы любые виды транспорта, кроме регулярных авиарейсов.

– Простите, я правильно поняла? Как можно совершить кругосветное путешествие без самолетов?

Моя собеседница пожимает плечами.

– Вся идея в том, чтобы воссоздать путешествие воображаемого Филеаса Фогга. Естественно, вы не можете пользоваться коммерческими авиалиниями, ведь во время написания книги их не было. Конечно, у нас сжатые сроки, и мы не заставляем вас вообще отказываться от путешествий по воздуху, но никаких пассажирских авиарейсов. Наш клиент хочет пережить опыт Фогга, со всеми его трудностями.

У меня пропадает дар речи, а Тереза Сайфер подается вперед.

– У вас есть действительный паспорт?

– Паспорт есть, – осторожно отвечаю я.

Это не совсем правда, но побеспокоюсь об этом позже.

– Отлично, – продолжает Тереза, потушив окуроч в хрустальной пепельнице. – Выбранный нами кандидат должен поддерживать постоянный контакт с офисом, выходя на связь из контрольных точек. Регулярно писать по электронной почте, освещая каждый отрезок пути. Это может включать фотоматериалы, а также короткие интервью с интересными людьми. Если выбранный способ передвижения покажется слишком утомительным, необходимо найти альтернативу и отразить это в отчете.

Я сжимаю руки под столом, чтобы не показать, что они дрожат, и хрипло каркаю:

– Чрезвычайно *интересно*!

Почувствовав мое волнение, собеседница ловит мой взгляд и спрашивает:

– Вы точно любите путешествовать?

Только бы не покраснеть!

– Просто обожаю, – уверяю я, растягивая губы в улыбке.

Времена отчаяния требуют отчаянных мер. Ситуацию с нашим магазином иначе как отчаянной не назовешь.

– Прекрасно, – говорит она, и я вновь позволяю себе вздохнуть.

Здоровой рукой она отталкивает кресло к стене и тянется к кожаному томику на полке у себя за спиной.

– Поскольку наш клиент американец, мы приняли решение, что путешествие должно начаться и закончиться здесь, в Нью-Йорке, представляющем собой квинтэссенцию американских городов. – Миз Сайфер достает книгу. На полке остается еще с полудюжины томов с золотыми буквами: «Жюль Верн». – Разумеется, за сто пятьдесят лет многое изменилось, – добавляет она и точным движением отправляет том по столешнице в мою сторону.

Скользя по столу, книга вращается, а достигнув моего края, останавливается.

– Идея в том, чтобы современный путешественник, посетивший те же самые точки соприкосновения, что Фогг, почувствовал, как изменился мир со времени написания романа, а с другой стороны – увидел, что он остался прежним.

Открыв книгу, я сразу узнаю недавнее переиздание – в дорогом кожаном переплете, с золотым тиснением. Тем не менее ему явно не хватает внутреннего очарования, которым обладает большая часть книг в магазине моих дядюшек.

Создается впечатление, что эту книгу никогда не читали.

Я лихорадочно соображаю. Несомненно, эта работа – мой единственный шанс посмотреть мир. Совершенно бесплатно. С другой стороны, я никогда не слышала ничего более пугающего. В мои размышления врывается голос директора.

– Хотелось бы добавить, что поездка засчитывается как испытательный срок. При условии, что кандидат оправдает наши ожидания, по завершении проекта он получит постоянную работу в «Экслибрисе».

– Правда? – переспрашиваю я, стараясь не показывать своего страха.

– Да. К сожалению, начальная ставка всего пятьдесят тысяч долларов в год, однако после успешного завершения проекта кандидат получает бонус – десять тысяч долларов.

Мое сердце бьется так громко, что я уверена: она слышит его стук со своего места за огромным столом красного дерева. Не придумав ничего лучшего, я выкладываю на стол свое резюме. Документ состоит из одной-единственной странички, и я жалею, что не нашла времени сделать его более внушительным. Этой женщине хватит одной секунды, чтобы понять, насколько я не подхожу для этой должности.

Однако Тереза Сайфер бросает лишь беглый взгляд на документ и вновь переключается на меня.

– Значит, фотограф? Опыт за пределами страны имеется?

Здесь думать особо нечего, за пределы страны я выезжала один раз в жизни.

– Гм... Недавно я получила массу удовольствия, фотографируя Бонома на зимнем карнавале в Квебеке, – отвечаю я.

Недавно – понятие относительное. Что такое пятнадцать лет по сравнению с вечностью?

– Могу прислать отчет с фото, если нужно, – добавляю я, вспомнив, что где-то на жестком диске должна остаться школьная презентация.

Тереза Сайфер деликатно тушит сигарету.

– В этом нет необходимости. У нас не совсем обычная компания, и большая часть навыков приобретается в процессе работы.

Она толкает резюме обратно ко мне.

– Спасибо, что заглянули. Оставьте у ассистента. Я рассмотрю ваше заявление наряду с другими.

– С другими?

– Разумеется, я беседовала с несколькими претендентами на должность, – улыбается она.

Я понимаю, что надо встать и уйти, но меня точно приклеили к стулу. Все это время я не выходила из состояния шока. Рутинная офисная работа, на которую я надеялась, оказалась чем-то большим. Горькая правда состоит в том, что я ни разу в жизни не ездила никуда одна.

Несмотря на слишком короткое резюме, я ни за что на свете не признаюсь в этом лошечной красоте, которой не терпится выпроводить меня из своего умопомрачительного офиса. Невзирая на сжимающий сердце страх, я не могу допустить и мысли о том, что эту работу получит кто-то другой.

Работа в «Экслибрисе» – идеальное решение всех моих проблем. Это не только возможность выйти на международный уровень как фотограф, но и единственный шанс отказаться от работы в седьмом круге ада – злосчастном колл-центре Джоны. Увидеть мир своими глазами, вместо того чтобы ждать его на пороге дядиной книжной лавки. А еще мне за это заплатят, и заработанные деньги пойдут на спасение нашего магазина от гадкого нового домовладельца. Мало того – если все пройдет удачно, по возвращении у меня будет нормальная работа.

Нет, слишком уж хорошо, чтобы быть правдой. Вместо того чтобы встать и выйти, я подаюсь вперед и выпаливаю, не успев прикусить язык:

– А в чем подвох?

Тереза Сайфер, которая уже наполовину встала, вновь садится и закидывает ногу на ногу. Со своего места я вижу непринужденно болтающуюся на пальцах туфлю, которая стоит больше моей годовой зарплаты.

– Никакого подвоха, – отвечает она. – Хотя, разумеется, есть определенные критерии. Выбранный нами кандидат должен быть готов отправиться в путь практически немедленно и точно следовать маршруту. Кроме того, мы ждем частых и подробных обновлений. Это не обсуждается, поскольку нам нужна достаточная и своевременная информация, чтобы разработать программу путешествия для нашего клиента. Естественно, мы предоставляем средства связи, и кандидату достаточно найти в контрольной точке подходящее место, чтобы отправить в цифровом формате тексты и фото. – Она встает, я тоже медленно поднимаюсь на ноги. – Разумеется, если претендент не выполнит этих требований или не сумеет пройти весь путь в максимальный отведенный срок, он не получит бонуса и не будет принят на постоянную работу.

Так вот в чем подвох!

– Максимальный срок? – переспрашиваю я. – Вы имеете в виду восемьдесят дней?

Тереза Сайфер впервые за нашу встречу разражается смехом.

– Разумеется, нет. Клиент отправляется в путь в июне. Ознакомительная поездка должна быть короткой – максимум до первого мая, чтобы мы успели все организовать для главного путешествия.

Бросив взгляд на телефон, я вновь теряю дар речи. Нет, я понимаю, двадцать первый век. Облететь по воздуху вокруг планеты можно за каких-нибудь пять дней. Я точно где-то читала, что космическая станция совершает полный оборот вокруг Земли за девяносто две минуты. Насколько реально в современных условиях кругосветное путешествие за семь недель? Мне приходит в голову новая мысль.

– А если я вернусь раньше?

Ее лицо озаряет улыбка.

– При условии, что вы посетите все контрольные точки по маршруту и будете своевременно представлять отчеты, контракт считается выполненным. – Распахнув дверь, она делает шаг в сторону, чтобы я могла пройти. – Моя ассистентка Пауэлл даст вам форму, которую нужно заполнить. Мы с вами свяжемся.

К моему удивлению, она протягивает мне неповрежденную руку. Сломана у нее правая, поэтому рукопожатие получается немного странным. Ее хватка гораздо сильнее, чем я ожидала, и я стараюсь не ударить в грязь лицом. Противостояние прекращается, не успев начаться, но когда Тереза Сайфер наконец отпускает мою руку, в ее глазах поблескивают искорки.

Сгорая со стыда, я выхожу в коридор, трясая чудом не раздавленной рукой.

Глава 7

Снимок: «За восемьдесят дней вокруг света», первое издание
Инстаграм: Роми_К [16 марта]
#ЖюльВерн #КнигаСКоторойВсеНачалось #ЖизньОтображаетИскусство
13 ♥

– Роми, ты самый неподходящий человек для такой работы на всем белом свете, – заявляет Томми.

Он все еще не оправился от простуды и шмыгает красным носом, но не может молчать. Дядюшка Мерв настолько шокирован, что не произносит ни слова.

– Ты в жизни из города не выезжала! – горячо продолжает Томми.

– А вот и выезжала, – спорю я. – В пятом классе, на карнавал в Квебек, *n'est ce pas?*

Половина десятого вечера, мы сидим у них на кухоньке. Томми убрал тарелки, а Мерв застыл с горячим чайником в руке. Он наконец ставит чайник на подставку и с ошеломленным видом трясет пальцами, которые чуть не обжег.

Я говорю нарочито веселым тоном, стараясь подавить внутреннее волнение, но мой жуткий французский никого не обманывает.

– Понимаешь, Томми, если меня возьмут на эту работу, я буду получать пятьдесят тысяч в год. И еще бонус в десять тысяч за проект. Мы выиграем время и придумаем, как спасти магазин.

Дядюшка Мерв потрясен до глубины души. Он тяжело вздыхает.

– Милая девочка, я сердечно тронут твоим самопожертвованием, но ты ведь понимаешь, что это безрассудство?

Не успеваю я ответить, как он скрывается в магазине. Томми раздраженно сопит и, не спрашивая, наливает мне чаю. Вертя в руке щипчики для сахара, я бормочу слова благодарности. Через две минуты на кухню врывается Мерв с запыхавшейся старой книгой в руке.

– Между прочим, Филеас Фогг не летал на пассажирских рейсах и совершил кругосветное путешествие за восемьдесят дней, – говорит он, протягивая мне книгу. – Отправиться по его следам – не такая уж плохая идея.

Зеленый томик сильно затерт по краям. Название на обложке и на корешке выделено золотом, и страницы хранят следы позолоты в уголках. Открытая книга пахнет садом после весеннего дождя – мокрой землей и стариной.

– Первое издание? – шепчу я.

– Датировано тысяча восемьсот семьдесят третьим годом, – кивает Мерв, – а этот экземпляр даже подписан автором. Если не получишь работу, мы продадим его на «Ибэй» за десять тысяч, а то и за двенадцать. А пока оставь у себя, на удачу. Вдруг поможет.

Томми громко шмыгает носом, ухитряясь одновременно показать свое презрение и вызвать легкое отвращение.

– Не поощряй ребенка, – говорит он, ожесточенно гремя посудой.

Мерв хлопывает меня по руке, и хотя мой живот сводит от волнения, я улыбаюсь. Я знаю цену этой книге, и дядино доверие трогает до слез.

Поздно вечером, когда я выключаю свет в своей игрушечной квартирке, пищит телефон. Электронное письмо. Что еще за К. Пауэлл? Увидев полный адрес, я вспоминаю, что так зовут ассистентку миз Сайфер.

Поблагодарив меня от имени директора за интерес к их компании, она сообщает, что работу получил другой претендент – молодой фотограф с огромным опытом путешествий и десятью тысячами последователей в инстаграме. Хуже того, этот соискатель полностью готов отправиться в путь завтра – восемнадцатого марта. Пауэлл от имени Терезы Сайфер желает мне всяческих успехов в моих будущих начинаниях.

Уронив телефон на подушку, я закрываю глаза и стараюсь вспомнить, что написала в анкете. Где я ошиблась? В графе «Что бы вы хотели добавить о себе?» я сообщила, что в данный момент у меня нет постоянного бойфренда. Подумала, что это позволит обойти других кандидатов, которым придется разлучаться с родными и близкими. Может, не стоило откровенничать?

Я вновь хватаю телефон и нахожу последнее сообщение от своего бывшего бойфренда. Как унижительно – он даже не позвонил! Сам разрыв не стал для меня такой уж огромной трагедией. Мы с Луисом встречались всего пять месяцев. Тем не менее он мне очень нравился. Порой даже походило на нечто серьезное. Когда Луис пригласил меня провести новогодние праздники с его семьей в Гвадалахаре, я сначала загорелась, но по мере приближения назначенной даты то и дело ловила себя на том, что ищу повод отказаться от поездки. «В праздничный сезон я нужна в магазине». «Я собираюсь на онлайн-курсы, и мне сообщат о зачислении в январе». «Миссис Роза хочет навестить внуков и попросила присмотреть за попугаем».

Думаю, последней каплей стал попугай. Я вновь перечитала сообщение Луиса.

Чего ты боишься? Тебе какой-то попугай важнее, чем знакомство с моей семьей?

Я ей давно обещала. Извини. Давай выпьем кофе и поговорим, – ответила я.

Нет уж. Оставайся со своим попугаем, – написал он через два часа, в течение которых я обгрызла все ногти.

И все. На остальные мои сообщения он просто не ответил. Я возвращаюсь к письму Пауэлл. Эта хотя бы не тычет мне в лицо попугаем.

Бросив телефон, я зарываюсь головой в подушку и заставляю себя посмотреть правде в глаза. Я не поехала с Луисом, потому что не хотела уезжать из города. Какой душой надо быть, чтобы разорвать отношения с отличным парнем из-за боязни уехать из дома?

– Надо что-то менять, – громко произношу я. – Если ты хочешь спасти магазин, Роми, пора себя менять. Это твой единственный шанс.

Я вскакиваю с постели – сна ни в одном глазу. Я ему покажу! Хватаю телефон и удаляю все сообщения Луиса. Чертов попугай Справедливой Розы больше не будет снится мне в кошмарах.

Поскольку в квартире мало места, я держу несезонные вещи в коричневом кожаном чемодане под кроватью, старом и обшарпанном, как ботинок бродяги, но вполне исправном. На крышке всего одна наклейка, в виде автомобильного номера штата Аляска. Верхняя часть стикера вытерлась, а по нижней можно прочесть надпись: «Последний рубеж». Я провожу пальцами по буквам и открываю крышку.

Остаток ночи я собираю вещи и пишу списки, а когда все собрано, сажусь и сочиняю письмо дядюшкам, полное фальшивого оптимизма и неискренних утверждений, призванных показать меня отважной искательницей приключений. Притворяйся, пока не получишь желаемое.

После этого я открываю инстаграм, чтобы изучить конкурентов. В нашем большом городе фотографов пруд пруди, и все же в конце концов мне удастся сузить круг подозреваемых до трех человек. Все они – молодые жительницы Нью-Йорка, путешествующие по миру, одна фотогеничнее другой. Я почти целый час рассматриваю их истории, многие из которых включают искусно подобранную одежду, сшитую из минимального количества ткани. У двух девушек более двенадцати тысяч последователей, а у третьей – сто тысяч. У меня – тринадцать человек.

Еще минут двадцать я копирую их дерзкие взгляды через плечо, но бросаю это занятие, когда начинает болеть шея. При ознакомлении с перечнями стран, где они побывали, у меня спирает дыхание. Джунгли Вьетнама? Ледники Норвегии? Одна даже ухитрилась поработать уборщицей в Антарктиде, только ради возможности внести в список седьмой, и последний, континент. Для нее эта небольшая кругосветка – прогулка в Центральном парке. Не то что для меня.

Я тру воспаленные глаза, пытаюсь подавить сомнения. Не помогает даже мысль, что я собою спесь с этих самодовольных физиономий. Надо сосредоточиться. Я делаю несколько глубоких вдохов. Мой взгляд останавливается на томике Жюль Верна. Несмотря на сомнения Томми, Мерв в меня верит.

Будильник на прикроватной тумбочке показывает пять. Дядюшка Мерв встает в шесть, значит – сейчас или никогда. Сжимая ручку старого чемодана, я на цыпочках спускаюсь по лестнице, оставляю письмо для дядюшек под дверным молотком и выхожу на улицу. Я должна убедить Терезу Сайфер предоставить работу мне.

Глава 8

Снимок: Открытый чемодан

Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк Сити, 17 марта]

#ГениальныйУпаковщикЧемоданов #НичегоНеЗабыть

13 ♥

Список вещей для чудовищно абсурдной попытки кругосветного путешествия

Ноутбук и аксессуары
Телефон и шнур
Утюжок для волос
Десять пар трусиков
Лифчики – два обычных, два спортивных
Джинсы – три пары...

Некоторые улицы перекрыты, и я начинаю волноваться, не произошла ли где авария или что-то в этом роде, но тут вспоминаю, какой сегодня день. Самый эффективный способ остановить дорожное движение в Нью-Йорке – Парад в День святого Патрика. Приготовления идут полным ходом. Я ныряю в метро. В такую рань ждать поезда приходится пятнадцать минут. От нечего делать я еще раз мысленно составляю список всего, что впихнула в рюкзак, с которым ходила в колледж, и старый чемодан, вытасченный из-под кровати. Список получился длинный. Жаль, чемодан без колесиков.

Ближе к шести я, пошатываясь, подхожу ко входу в «Экспедиции Экслибрис». Как ни странно, дверь в здание уже открыта. Охранника за стойкой нет, лифты работают. Мой план поймать главу компании по дороге на работу с треском проваливается: дверь в кабинет тоже открыта, и Тереза Сайфер уже на месте. Просто невероятно: она не выглядит ни удивленной, ни усталой.

– Рада тебя видеть, – говорит директор, пряча в стол какую-то папку. – Если не ошибаюсь, Рамона? – спрашивает она и после моего кивка добавляет: – А я всю ночь не спала, готовила все необходимое для нового кандидата.

– Кстати, об этом.

Я набираю полную грудь сигаретного дыма, расправляю плечи и, не давая ей вставить ни слова, перечисляю доводы, почему я больше подхожу на эту должность. Обходя десятой дорогой тему недостаточного опыта путешествий, я взмахиваю ежедневником и разражаюсь списком организационных навыков, к которым имею хоть какое-то отношение. Я заканчиваю блистательную речь целой серией предложений, как повысить количество подписчиков компании в соцсетях, что в основном сводится к поиску аудитории с помощью правильного использования хэштегов.

Окончив свою пламенную тираду, я замечаю, что миз Сайфер напряженно слушает.

– Видишь ли, Рамона, – говорит она, – мне нужен человек, который умеет принимать спонтанные решения и планировать на ходу. Ты на это способна?

Распрямляю спину и уверенным тоном произношу, ни капли не кривя душой:

– Я самый организованный человек на свете. Планирование – мой конек. Я справлюсь.

– Ты произнесла чрезвычайно пылкую речь в защиту своих способностей, – говорит она. – Но я хочу кое-что объяснить. «Экслибрис» – не модное турагентство. Мы ставим своей целью как можно более полное воссоздание опыта, пережитого героями книги. Надеюсь, ты понимаешь, что условия не всегда будут роскошными?

Я молча киваю.

– Тогда скажи, пожалуйста, какая твоя самая сильная черта? Чем ты лучше других кандидатов? Почему я должна выбрать тебя?

Подавляю острое желание упасть ей в ноги, рассказать всю историю о «Двух старых королевах» и гнусном домовладельце и положиться на ее милосердие. Вместо этого достаю из рюкзака книгу.

– Я живу по литературным стопам, – говорю я твердо и решительно. – Я выросла в книжном магазине. Вы можете найти человека с большим опытом путешествий или большим количеством подписчиков, но с *этим* трудно тягаться.

Я бережно кладу на полированную поверхность томик дядюшки Мерва. Тереза Сайфер тянется через стол и, не говоря ни слова, открывает книгу. Она осторожно прикасается к тонкой полупрозрачной бумаге, защищающей фронтиспис, и проводит пальцем по авторской подписи под названием.

Закрыв книгу, она молча смотрит на меня через стол. Часы у нее за спиной отсчитывают секунды, каждая из которых длиннее предыдущей. Когда молчание становится невыносимым, она откидывается на спинку кресла, одаривает меня зловещей улыбкой, неуловимым движением достает из ящика временную кредитную карту и толкает ее по столу ко мне.

– Для начала хватит, Рамона Кини.

Достав из папки лист бумаги, она кладет его рядом с карточкой. На листке написано: «Предполагаемый маршрут».

– Я подготовлю все необходимое до конца дня. Если ты действительно решила, собирайся. Встречаемся здесь в районе полуночи.

– Вы... серьезно? – с трудом выговариваю я.

У меня от страха трясутся поджилки. Ее ухмылка становится шире.

– Серьезней некуда. Время пошло. Ты должна вернуться в город до первого мая. На твоём месте я бы отправилась в путь прямо сегодня.

Я подскакиваю, хватаю карточку и листок и выбегаю из комнаты, пока никто из нас не передумал.

Глава 9

Снимок: Паспорт и текила

Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 17 марта]

#ПаспортДляПриключений #ДелаюВсеЧтоМогу

15 ♥

Не осмеливаясь подойти даже близко к магазину, я вновь ныряю в метро и еду в бюро паспортов на Хадсон-стрит. Поездка занимает всего двадцать минут, и перед тем, как подойти к двери, над которой развевается американский флаг, я позволяю себе заскочить за чашкой чая в ближайшее кафе. Паспортный стол работает с девяти.

До открытия почти целый час, а передо мной уже пять человек. Тем не менее я успею в экстренном порядке продлить паспорт, если представлю доказательства, что срочно уезжаю.

В голове вырисовывается план. Я заполняю формуляры, оплачиваю услуги новой кредиткой и, подхлестываемая кофеином вперемежку с адреналином, тащу чемодан к выходу. Следующая задача – раздобыть билет. После этого можно будет вернуться за паспортом.

Выйдя на улицу, я останавливаюсь перевести дух. Первая спокойная минута с тех пор, как я приняла решение. От чая с кофеином включился мозг, и меня оглушают масштабы затеянного предприятия. Накатывает ураган противоречивых чувств – изнеможение, страх и – сама не верю – восторженное волнение. Я стараюсь сосредоточиться на последнем, не обращая внимания на остальное, пока не отрежу пути к отступлению. На листке, выданном мне Терезой Сайфер, значится название нужного турагентства, и, если верить телефону, оно находится всего в десяти минутах ходьбы. На эмоциональном подъеме я добегаю до «Мира путешествий» за семь.

Поставив под дверь чемодан, я останавливаюсь и разглаживаю помятый листок, который всю дорогу сжимала в руке. Внезапно дверь распахивается, и кто-то проносится мимо. Я от неожиданности делаю шаг назад, спотыкаюсь о чемодан и лечу.

Рюкзак смягчает падение, и у меня ничего не сломано, однако инстинктивная попытка вскочить заканчивается провалом из-за тяжелого чемодана, придавившего ногу. Я беспомощно барахтаюсь на спине, как опрокинутая черепаха.

– Прошу прощения, – раздается глубокий мужской голос, и чьи-то сильные руки придают мне вертикальное положение.

Обретя почву под ногами, я вдруг осознаю, кому принадлежат эти руки. Передо мной стоит Зловредный Племянник собственной персоной.

– Извините, – повторяет он, покраснев от смущения и явно не узнавая меня, – вы не сильно ушиблись?

Я в ужасе отшатываюсь и отдергиваю руки.

– Какого черта, ты с ума сошел? – злобно выплевываю я.

– Я тебя не видел, – оправдывается он. – Ты не ушиблась? Ничего не болит?

– Все отлично, – бормочу я, собирая рассыпавшиеся по полу бумаги. – Если не считать того, что твой дядя хочет лишить нашу семью средств к существованию.

– Он мне не дядя.

– Значит, ты просто его холуй?

Лицо парня мрачнеет.

– Что ты сказала?

Схватив чемодан, я прохожу мимо него к ближайшему столу. Прежде чем я успеваю придумать остроумный ответ, враг исчезает.

Оно и к лучшему. У меня нет времени обмениваться колкостями с этим парнем, независимо от его родственных связей. Надо найти способ как можно скорее выехать из города.

Покупка билета отнимает значительно больше времени, чем я предполагала. Сотрудница агентства, на бейджике которой написано «Лакиша Джонс», явно не верит в успех моего предприятия.

– Что? Покинуть страну уже сегодня, но не самолетом? – недоумевает она.

Когда я подробно объясняю параметры своего будущего путешествия, дело сдвигается с мертвой точки.

– А, ты хочешь отправиться в кругосветное путешествие одна? Как Джулия Робертс в «Ешь, молись, люби»? И найти свою любовь?

Я вспыхиваю до корней волос и раздражаюсь сама на себя.

– Конечно нет! Это по работе. Ну, вроде стажировки.

– Вот как! Посмотрим, что можно сделать.

Лакиша стучит по клавиатуре, а через минуту поворачивает монитор ко мне.

– Это же сухогруз?

– Контейнеровоз. Они иногда берут пассажиров. Тебе повезло, Рамона. Обычно места надо бронировать за несколько месяцев.

У меня от волнения потеют ладони.

– А может, лучше круизный теплоход или что-то в этом роде?

– Из Нью-Йорка? В середине марта? – смеется она. – Сомневаюсь.

В конце концов, поняв, что других вариантов не предвидится, я протягиваю новенькую кредитку, и Лакиша вручает мне билет. По дороге в паспортное бюро я вспоминаю стычку со Зловредным Племянником. Может, он не в курсе коварных делишек Винала? А если он не такой уж и злодей? А вдруг врет? Кто знает? И все равно я жалею о своих словах. Назвав его холуем, я зашла слишком далеко. И дня не проработала на новой должности, а уже так низко пала. И тут меня осеняет еще одна мысль: не важно, злой он или добрый, что он забыл в турагентстве?

Самое трудное в предприятии с паспортом – ожидание. К половине пятого меня начинает тошнить от беспокойства. Я просидела в паспортном бюро всю вторую половину дня, отлучившись ненадолго выпить чаю и сходить в туалет. Господи, во что я ввязалась?

Честно говоря, я сама не знаю, чего больше боюсь: что они не смогут продлить мой паспорт или что смогут. За десять минут до окончания рабочего дня меня наконец вызывают в кабинет.

Женщина за конторкой одета в зеленую атласную блузку, заправленную в темно-синюю юбку. Ее зовут Хуанита. Она придвигает к себе папку и с прищуром смотрит на меня через стекло темно-карими глазами.

– Ты сегодня последняя, – сообщает она, – привычным движением шлепая в паспорт печать с датой. – Твое ирландское везение!

– Как-то не думала об этом, – бормочу я, и при виде моего растерянного лица она улыбается еще шире.

– Да не волнуйся так, я же сказала «везение», а не «невезение».

Она переводит взгляд на монитор.

– Чтобы получить право на срочное продление паспорта, ты должна выехать в течение сорока восьми часов. Покажи, пожалуйста, билет.

Я просовываю под стекло билет, при виде которого ее глаза расширяются. Она переводит взгляд на меня.

– Гм... Путешественница? Не похожа.

Ее замечание почему-то задевает.

– В смысле?

Она наклоняется ближе к стеклу и еще раз обводит меня внимательным взглядом.

– Слишком высокая. С этой рыжей гривой и бледной кожей ты похожа на студентку, которая играет в баскетбол за Брин-Мор. А потом переобувается в балетки и пьет чай в библиотеке.

Я сердито щурю глаза и прячу конверсы под стол.

– Не слишком ли это личное замечание от государственной служащей?

– Ты сегодня моя последняя клиентка, – фыркает Хуанита. – Я могла просто...

Она делает вид, что засовывает папку в стол.

– Я училась в Нью-Йоркском университете, а не в Брин-Мор, – поспешно говорю я, чувствуя себя на волосок от гибели – с библиотекой она почти угадала. – И всегда приходится что-то делать в первый раз, так ведь?

Я стараюсь говорить с искренним воодушевлением, но и сама слышу в своем голосе тоску.

Она стучит пальцами по билету.

– Это конечный пункт назначения?

Я мотаю головой и просовываю под стекло листок с маршрутом. Изучив документ, Хуанита кладет его в мой новый паспорт и возвращает мне.

– Если ты собираешься посетить все эти места, тебе нужны прививки, – говорит она, потянувшись к табличке «Закрето». – Ты их сделала? – Увидев выражение моего лица, она не может удержаться от смеха. – погоди секунду.

Хуанита становится на одно колено, долго роется в самом нижнем выдвижном ящике и наконец извлекает оттуда лист бумаги.

– Клиника на Мэдисон-авеню открыта до семи, – говорит она, бросив взгляд на часы. – Лучше привиться здесь, чем где попало по дороге.

Она проталкивает под стекло листок, приветственно поднимает руку и исчезает из виду.

Охранник придерживает дверь и добродушно улыбается.

– *Bon voyage*, – говорит он. – Пора пить зеленое пиво!

Я с ним полностью согласна.

Где-то после девяти часов я с паспортом в руке поднимаюсь в штаб-квартиру «Экслиб-риса». Я не то чтобы напилась до бесчувствия, но позволила себе два бокала зеленого пива и стопку текилы – немного приглушить волнение перед клиникой. В общем, прививки я сделала.

Двери лифта разъезжаются. Весь этаж погружен в темноту, лишь в панорамных окнах сияют огни города. Я с трудом выхожу на прямую траекторию к кабинету Терезы Сайфер. Сквозь щель под дверью просачивается желтый свет настольной лампы.

Бросив чемодан в коридоре, я опираюсь на косяк и вваливаюсь в кабинет. Душа уходит в пятки.

Тереза Сайфер смотрит на меня поверх очков в красной оправе.

– Добрый вечер, миз Кини! – произносит она скрипучим голосом, характерным для давних курильщиков. – Как прошел ваш день?

– Прекрасно, – хриплю я в ответ, вываливая на стол бумаги. – И вы только посмотрите на это!

Стащив через голову худы с логотипом Нью-Йоркского университета, я показываю ей руки, залепленные пластырями. Мой левый бицепс уже принял синеватый оттенок.

Тереза Сайфер удивленно приподнимает брови: со стороны похоже, будто на меня напал бешеный дикобраз. А может, ей не нравится исходящий от меня запах.

– Ты уверена, что готова выполнить это задание? – спрашивает она.

– Абсо-блин-лютно чертовски уверена, – произношу я настолько твердо, насколько позволяет заплетающийся язык.

Она скептически морщит лоб, но, рассмотрев паспорт и билет, складывает бумаги в большой коричневый конверт и дает мне подписать заявление об освобождении от ответственности.

Затем отбирает ручку, наклоняется вперед и смотрит мне прямо в глаза.

– Рамона, – негромко произносит она, – решив положиться на тебя, я иду на огромный риск. Если ты считаешь, что не готова, еще есть время отказаться.

Я мгновенно трезвею.

– Я готова. Я это сделаю, – говорю я ей, а больше – себе.

Тереза Сайфер смотрит на часы.

– Хорошо. Тогда я пришлю все необходимое, в том числе визы и кредитную карту на твое имя, в одну из контрольных точек в Европе. Моя ассистентка в ближайшее время отправит тебе остальную необходимую информацию.

В Европе. От одного этого слова у меня начинают дрожать руки. Я сжимаю их вместе, выдавливаю «спасибо», хватаю конверт и багаж и неверной походкой бреду к лифту. Там я упираюсь руками в колени и всю дорогу вниз выполняю дыхательные упражнения.

Глава 10

Снимок: Грузоподъемный кран
Инстаграм: Роми_К [Нью-Йорк, 17 марта]
#ГрузовыеДоки #BonVoyage #ПрощайЖестокийМир
13 ♥

Часа два спустя я сижу в обшарпанной приемной под дверью с табличкой «Бюро коносаментов» в грузовом порту Бруклина. Я бывала в этой части города только благодаря магазину «ИКЕА», который обслуживают водные такси, бесплатные для жителей Манхэттена при условии обязательной покупки. Как будто можно зайти в «ИКЕА» и ничего не купить.

Стыдно признаться: до сегодняшнего дня мое знакомство с Ред-Хук ограничивалось посещением знаменитого шведского магазина. Теперь я получила более ясное представление о районе, потому что прогулялась пешком. По дороге сюда я села в поезд «Ф» и без проблем доехала до Кэрролл-стрит, но не разобралась с картой в телефоне и по ошибке попала на пассажирский терминал. Побродив по пустому вокзалу, любой звук в котором отдавался гулким эхом, я пошла вдоль воды и заметила на другой стороне прилегающей бухты освещенные стрелы портовых кранов. Пользуясь ими, как путеводной звездой, я в конце концов нашла это бюро.

Честно говоря, пассажирский терминал понравился мне больше. Разумеется, Старая Роми никогда в жизни не решилась бы отправиться в круиз, тем более – в кругосветное путешествие. И не позволила бы нафаршировать себя всеми этими вакцинами, от которых вот-вот руки отвалятся. Честно говоря, я уже скучаю по Старой Роми.

Тем не менее я здесь. Решение принято. Храбрость, вызванная текилой и зеленым пивом, давно испарилась, и происходящее кажется мне сном. Знаете, бывают такие сны, когда человек заблудился в незнакомом месте и даже не надеется найти дорогу домой. Скорее даже не сон, а кошмар. Ночной кошмар, пахнущий смолой и старыми канатами, отдающими затхлостью.

К стеклу офисного окна приклеено скотчем написанное от руки послание. «Пассажир Кин, ждите агента здесь. Вернусь в полночь». Я жду, надеясь, что записка обращена ко мне, и прекрасно осознавая, что у них никогда еще не было пассажира, столь страстно не желающего взойти на борт. Покинув Нью-Йорк, я сожгу за собой все мосты. Отступать поздно.

Чтобы отвлечься, я вытаскиваю из конверта бумаги, полученные от Терезы Сайфер. Первый листок представляет собой нечто вроде бланка отчета, в котором расписано, какую информацию я должна предоставить из каждой контрольной точки этого безумного путешествия. На втором – воображаемый маршрут Филеаса Фогга. Я так и не удосужилась открыть дядюшкину книгу и прочитанную в детстве историю помню лишь в самых общих чертах. С растущим чувством вины я вспоминаю, что времени вернуться в родной магазин у меня не осталось. Я планировала заглянуть туда после получения паспорта, но не успела из-за прививок. Время работает против меня.

Может, оно и к лучшему. Не представляю, как бы я с ними прощалась. Висящие немного наискосок над окном офиса старые часы громко отсчитывают секунды. Циферблат поржавел, и часы на три минуты отстают от времени на моем телефоне. В любом случае через каких-нибудь полчаса я покину Нью-Йорк впервые с тех пор, как была ребенком. И даже не нашла времени попрощаться с самыми дорогими мне людьми.

Чтобы отогнать эту мысль, переключаю внимание на список обязательных контрольных точек по маршруту. Офис «Экслибриса», Нью-Йорк. Реформ-клуб, Лондон. Эйфелева башня,

Париж. Бриндизи, Италия. Суэцкий канал, Египет. Аден, Йемен. Мумбаи, Индия. Колката, Индия. Бухта Виктория, Гонконг. Сан-Франциско, железнодорожный вокзал. «Экслибрис», Нью-Йорк. Десять остановок до конца апреля. Билет, который нашла для меня Лакиша Джонс, обеспечивает место на единственном морском судне, направляющемся на восток восемнадцатого марта. Корабль называется «Остров Гернси», порт назначения – Ливерпуль. До сегодняшнего дня я понятия не имела, что грузовые суда берут пассажиров.

Все, что я знаю о морских путешествиях, почерпнуто из кино. Перед моим мысленным взором встает Кейт Уинслет в роли Роуз: в огромной фиолетовой шляпе, поднимающаяся по трапу «Титаника». Где-то ждет меня мой айсберг.

Как бы то ни было, «Остров Гернси» – не океанский лайнер. Лакиша забронировала мне отдельную каюту для сна, а все остальные удобства общие. Мне никогда не приходилось делить удобства с другими людьми, не считая Джерси в студенческие времена, а она болезненно чисто-плотна.

Гудит судовая сирена. Я подскакиваю с места и впервые за все время смотрю в окно. Все, что я вижу, – это борт огромного контейнеровоза, выкрашенный в зеленый цвет. Корабль стоит нерушимо, как скала, даже незаметно, что он на воде, а не на суше. Никакого движения, лишь деловито снуют по причалу автопогрузчики.

Я не вижу ни выхода на посадку, ни малейших признаков, что «Остров Гернси» собирается отойти от причала. Мне не видно даже названия этого монстра. На борту красуются гигантские буквы «MSC»³. Таким образом, записка на окне – единственное свидетельство, что я на правильном пути. У меня за спиной раздается громкий стук, я поворачиваюсь и вижу за стеклянной перегородкой мужчину с красным лицом.

– Ты, что ль, Кини? – горланит он.

Когда я киваю, краснолицый указывает на дверь, разворачивается и уходит, не произнеся больше ни слова. Схватив чемодан и рюкзак, я выхожу и бегу за ним – навстречу своей судьбе.

³ Глобальный перевозчик в сфере судоходства и логистики. – *Примеч. ред.*

Глава 11

Снимок: Палуба «Острова Гернси»

Инстаграм: Роми_К [Атлантический океан, 18 марта]

#ПосадкаЗакончена #ПервоеИзСемиМорей

11 ♥

Краснолицый оказывается портовым агентом. Он называет свое имя, которое я тут же забываю. Я прохожу за ним в кабинет, где нас ждет сотрудница иммиграционной службы. Несмотря на позднее время, она в полной форме, включая серую фуражку и пистолет в кобуре. При этом с лица женщины не сходит доброжелательная улыбка. Поставив печать, она протягивает мой паспорт сурового вида мужчине, стоящему рядом. Он одет в бордовый свитер толстой вязки, обтягивающий могучий живот, и синюю шерстяную шапочку, натянутую на пышные брови. Он ничем не напоминает щеголеватого капитана с «Титаника» и не тянет даже на капитана Кирка из «Звездного пути» и все-таки оказывается капитаном по имени Герхардт Анхельм.

При виде меня его лицо принимает слегка удивленное выражение. Оказывается, до вчерашнего дня каюта была зарезервирована пожилой семейной парой из Швеции, которая часто путешествовала таким способом и превратилась практически в постоянных клиентов.

Я вхожу вслед за капитаном Анхельмом в небольшой лифт.

– Вам очень повезло получить эту каюту, – говорит он с сильным немецким акцентом. – Эйнар, видно, совсем плох. В последнее время он жаловался на здоровье.

Двери лифта открываются, и мы оказываемся на головокружительно высокой платформе, откуда можно перейти на судно. Я жутко боюсь высоты и приковываю взгляд к крошечной дырочке на спине капитанского свитера, от которой тянется оторвавшаяся нитка. Томми бы в два счета ее заделал. Да еще вышел бы поверх что-нибудь морское и мужественное, и стало бы лучше, чем было.

Но Томми далеко. Я совсем одна, и тевтонский рыцарь с пышными бакенбардами, совсем не похожий на капитана, ведет меня навстречу верной гибели.

Вверху на трапе нас бодро приветствует член экипажа. Капитан хватает его за плечо и быстро спрашивает о чем-то по-немецки. Глаза мужчины увлажняются. Я не знаю немецкого, но общий смысл ответа улавливаю: Эйнар Свенссон, каюту которого я заняла, скончался. Оба вытирают глаза, и меня передают женщине, которая занимает должность второго помощника. Она вешает мне на шею бейджик с именем и провожает в каюту.

По дороге мы проходим мимо других кают, где наверняка есть отдельные санузлы, но они, очевидно, заняты в этом рейсе членами экипажа. Я – единственный пассажир и вынуждена довольствоваться каютой, которая предназначалась для шведской четы. Судя по размерам этой каморки, у них были чрезвычайно тесные отношения.

Как я и предполагала, душа в каюте нет, только раковина и унитаз за перегородкой.

Я успеваю немного обустроиться и прочесть врученную вторым помощником информационную листовку, как вновь раздастся судовой гудок. В окно – то есть в иллюминатор – стучит дождь, и «Остров Гернси» отходит от причала.

Несмотря на непогоду, судно движется плавно и уверенно. Стены каюты трясутся от гула двигателей. Я выглядываю в иллюминатор. Там нет ничего интересного, кроме нависших облаков и пелены дождя. От вибрации под ногами меня охватывает паника, и я бегу в санузел.

Я впервые за много лет уезжаю из Нью-Йорка и покидаю свою страну. И впервые в жизни – свой континент. Темнота в иллюминаторе сменяется сияющей в ярком свете фигурой. Статуя Свободы. Она смотрит через океан на свою родную Францию – страну, которую я скоро увижу собственными глазами.

Кажется, меня сейчас стошнит. Я наклоняюсь над унитазом. Наверное, так чувствуют себя люди перед смертью. Ничего не происходит, во всяком случае, пока. Внезапно меня охватывает лихорадочное, дикое, радостное возбуждение. Я никогда в жизни не испытывала такой бури эмоций.

Волнующее предвкушение длится примерно девять часов. Большую часть этого времени я провожу во сне.

Никогда не любила американские горки.

В начальной школе, когда мы с классом ездили на Кони-Айленд, я всегда оставалась внизу. Пока сверстники с оглушительным визгом проносились у меня над головой, наслаждаясь каждой минутой полета, я стерегла их портфели.

Я тоже наслаждалась каждой минутой – по-своему. Мне не было плохо. Я не относилась к детям, которых заставляют сидеть возле учительницы, пока не пройдет головокружение. Я оставалась на твердой земле, раскладывая рюкзаки в алфавитном порядке, и ждала возвращения одноклассников, избегая ненужного риска. Меня это устраивало.

Теперь, когда я выросла, мне хватает подземки, без которой в Манхэттене не проживешь. Я каждый месяц покупаю проездной и постоянно им пользуюсь. Никогда не подозревала, что склонна к морской болезни. Горькая правда не заставила себя долго ждать.

Я просыпаюсь полностью одетая, лежа поверх покрывала на узкой кровати. Эйфория, охватившая меня накануне вечером, улетучилась без следа. Мои сны наполняла глубокая уверенность, что стоит человеку выйти из дома, как с ним случится нечто ужасное. Большой мир таит в себе множество опасностей, и я знаю по опыту, что из путешествий возвращаются не все.

Подавив рыдания, я протираю заспанные глаза и лишь тогда отдаю себе отчет, что у меня по лицу текут слезы. Я вытираю их углом простыни. Мне много лет не снились родители. Не успев сосредоточиться на этой мысли, я удивленно рассматриваю свои ноги в сползших носках. Я не делаю сознательных попыток ими пошевелить, но они почему-то вновь исчезают из поля зрения. Чемодан скользит по полу и с громким стуком ударяется в дверь.

Приняв сидячее положение, я наконец начинаю понимать, что судно медленно раскачивается. В иллюминатор плещет вода, а за стеклом виднеется серая линия горизонта с бело-снежной каймой. Она проплывает мимо, и нос корабля вновь задирается вверх.

Следующие двое суток я вижу приблизительно одну и ту же картину, не считая внутренних туалетов. Несколько раз ко мне заглядывает второй помощник, серьезная темноглазая итальянка Сильвия, обеспокоенная моим отсутствием на приемах пищи. Выяснив, что я не упала за борт, она периодически возвращается: в первый раз с каким-то ячменным сахаром, а во второй – с имбирным пивом.

Прежде чем я осмеливаюсь высунуть нос из каюты, проходит три дня, а мне кажется – целый год. Когда с утра до вечера обнимаешь унитаз, время тянется ужасно медленно.

Проснувшись утром на третий день путешествия, я понимаю, что судно вновь приняло нормальное положение, как при выходе из гавани. Неудивительно, что я умираю с голоду. Подкрепившись изрядной порцией спагетти болоньезе – никогда не ела ничего вкуснее, – я выслеживаю второго помощника, которая неохотно дает мне пароль от судового Интернета.

– Он спутниковый, – шепчет Сильвия с сочным итальянским акцентом и передает мне листочек с нацарапанным на нем паролем. – Не оставляй его где попало, – заговорщицким тоном продолжает она. – Некоторые члены экипажа смотрят порно и снижают пропускную способность.

– Да мне только проверить почту. И отправить отчет.

– Хорошая девочка. – Сильвия похлопывает меня по руке. – Я тебе верю. Ты не смотреть эту гадость.

Я начинаю задумываться, не пропустила ли что-то интересное. Вероятно, она это чувствует и не выпускает листок, пока я не клянусь, что не буду ничего загружать.

Зажав в руке клочок бумаги с драгоценным паролем, я включаю ноутбук, но через минуту он сдыхает. Не успев запаниковать, я вспоминаю, что предусмотрительно упаковала зарядные шнуры для компьютера и телефона. Они на дне чемодана, под утюжком для волос, которым я до сих пор ни разу не воспользовалась. Пообещав себе заняться этим после следующего душа, я с довольным видом вставляю шнур – и тут же выясняется, что в каюте нет розеток. Не может быть! Вот же настенный светильник, и он работает! Вытащив штепсель, я вижу какой-то странный кружок с двумя отверстиями, который категорически отказывается принимать мой зарядный шнур.

Делать нечего, приходится вновь искать Сильвию. Та объясняет, что система электро-снабжения судна устроена по европейским стандартам, а кружок – это и есть розетка. К счастью, она может одолжить мне адаптер, и я возвращаюсь в каюту, упрекая себя за то, что совсем не разбираюсь в жизни. Могла загуглить, в конце концов! Но как можно загуглить то, о существовании чего не имеешь понятия?

Я начитанная. Образованная. Вроде бы должна знать, что весь остальной мир передает электричество не так, как американцы. Тем не менее я не знала.

Подключившись к розетке, я начинаю испытывать беспокойство по другому поводу: слишком много дел. Надо сфотографировать каждый уголок на судне и разобраться с дальнейшим маршрутом. Как только я захожу в Интернет, возникает новая проблема: почтовый ящик ломится от писем Томми, обеспокоенных и укоризненных. Я решаю, что найду способ умиротворить Томми позже, и принимаюсь за свой первый отчет.

Глава 12

Снимок: Морские птицы

Инстаграм: Роми_К [Атлантический океан, 21 марта]

#ШтормовоеПредупреждение #МорскаяБолезнь #ПятьдесятОттенков

25 ♥

Отчет о путешествии для компании «Экслибрис» от Рамоны Кини

«Остров Гернси», грузовое судно класса «Алгол», относится к самым быстрым в мире. В настоящее время, благодаря попутному ветру, корабль движется со скоростью более тридцати трех узлов.

Пригодность для элитного путешественника: низкая. Изучаю другие возможности, которые могут подойти под расписание клиента.

Что посмотреть и сделать: развлечений на борту мало. На палубу выйти невозможно из-за ледяных брызг. Во всяком случае, в марте...

Несмотря на мои сокращения, полный отчет занимает четыре страницы. Отправив письмо, я укладываюсь на узкую койку и натягиваю на себя тонкое одеяльце. Это мой единственный отчет за три дня, что объясняется, во-первых, бесконечными приступами тошноты, а во-вторых, моим нервным состоянием из-за того, что я впервые путешествую одна.

Теперь, когда у меня появилось время на размышления, я осознаю, что второе вполне могло привести к первому. Чтобы отвлечься от этой безрадостной мысли, я вновь открываю почту. Мерв электронную почту не признает, так что приходится довольствоваться перепиской с Томми.

Ты решила поиграть в «Ешь, молись, люби»? С тех пор как ты уехала, Мерв не спит ночами и сходит с ума от волнения.

Скажи ему, что это «Удивительная гонка» для одного человека, – пишу я, стараясь не вспоминать неодобрительное выражение лица Терезы Сайфер при упоминании передачи. – Сплошное удовольствие и никакого риска, честное слово.

Я не хочу нервировать своих дядюшек, да ничего не поделаешь. Мы с Томми не всегда ладили, но его неодобрение никогда не заходило так далеко. Должно быть, мое письмо застало его за компьютером, потому что почти сразу приходит новое, в котором Томми сообщает, что заходил Джона из колл-центра.

Джона страшно огорчен, что ты не захотела там работать, – пишет Томми. – Он думал, у вас намечалось что-то серьезное. Должен признаться, я тоже так считал.

«Какое счастье, что все это позади», – думаю я, несясь на полных парах через Атлантический океан.

На следующий день капитан Анхельм удостоивает меня аудиенции. Это прекрасное дополнение к моему отчету, и я намерена показать особому клиенту Терезы Сайфер все, на что способна.

Мы сидим в капитанском офисе. Несколько столов завалены свернутыми картами, но в ответ на мои расспросы капитан заявляет, что ими никто больше не пользуется.

– Вся навигация в наше время осуществляется на компьютере.

Перед лицом современных технологий я теряюсь и забываю все, о чем хотела спросить капитана Ахава. К счастью, мой взгляд падает на полки с книгами. Я отбрасываю заранее приготовленные вопросы и достаю из сумки томик Жюль Верна. Все остальное время, отведенное на интервью, капитан знакомит меня со своим видением моего путешествия в сравнении с книгой, которая оказывается одной из его любимых.

Кроме того, я узнаю, что он надеется добраться до Ливерпуля за девять дней. Это значит, что мы проведем в море еще пять дней. По сравнению с самолетом это жутко долго. Однако я не могу ничего изменить, так что просто отправляю еще один отчет, в котором расписываю, как легко проходит вояж, сознательно не упоминая о неудобной железной койке. А вечером наконец берусь за книгу дядюшки Мерва, осторожно листая пожелтевшие страницы и аккуратно разглаживая загибы. Я засыпаю, когда члены Реформ-клуба один за другим отворачиваются от Фогга и ставят на его поражение.

На следующее утро я просыпаюсь оттого, что меня сбрасывает с койки на пол. Мы находимся к северу от Исландии, и легкая часть путешествия закончилась. Сильвия сообщает, что сила ветра составляет десять баллов. Интернет у нас спутниковый, и погодные условия не позволяют мне выяснить смысл ее слов. Собственно, это не имеет значения, потому что я вновь иду обнимать унитаза. Сильвия появляется еще раз – предупредить, чтобы я ради собственной безопасности не выходила из каюты. У нее перепуганные глаза, и она сообщает, что существует опасность опрокидывания груза.

Просидев еще один бесконечный день в крошечной раскачивающейся каюте, я в попытке найти спасение от морской болезни выползаю на палубу. И вижу бушующий океан, который переливается пятьюдесятью оттенками серого или даже больше. Меня охватывает ледяной холод. Брызги замораживают веревки, которыми матросы пытаются укрепить огромные грузовые контейнеры. Тем не менее свежий ледяной воздух приятно прочищает легкие. Я хватаю пролетающую мимо чью-то шляпу и запикиваю под нее волосы, а затем пробираюсь к центральной части палубы, где идет основная работа.

Увидев меня, Сильвия повелительным жестом указывает на трап.

– Пожалуйста, можно остаться? – кричу я ей в ухо. – Мне внизу очень плохо.

Она сердито закатывает глаза, но в конце концов сменяет гнев на милость: сует мне непромокаемый костюм и рабочие рукавицы и помогает все это натянуть.

– Раз остаешься, будешь работать, – шипит она мне в ухо. – И не снимай шляпу. Капитан тебя не заметит, если спрятать волосы.

Она ставит меня под наблюдение матроса, которого, кажется, зовут Карл. Остаток вечера я вяжу узлы в относительной безопасности, в центральной части палубы. Зверски холодно, зато больше не тошнит.

Глава 13

Снимок: Паром заходит в Мерси

Инстаграм: Роми_К [Ливерпуль, Великобритания, 26 марта]

#ЧеловекЗаБортом #ДругоеМесто

27 ♥

Я просыпаюсь от звука... абсолютной тишины. Ветер стих, натужное рычание двигателей перешло в негромкий гул, и нас – слава богу – больше не качает. Все мои пожитки разбросаны по полу, за исключением ноутбука и фотоаппарата, которые я взяла с собой в постель. Я подумала, что если упаду ночью с кровати, то смогу защитить их своим телом. Надо уметь расставлять приоритеты.

Выглянув в иллюминатор, я вижу, что там, где море встречается с небом, горизонт окрашен в нежнейший розово-золотистый цвет. Одно из двух: либо мы пережили десятибалльный шторм, либо это купающийся в небесном сиянии вход в морской рай. Натянув самый толстый свитер, я хватаю фотоаппарат и спешу наверх, чтобы запечатлеть эти потрясающие цвета для своей странички в инстаграме.

От зрелища, явившегося моим глазам, я теряю дар речи. Добравшись до кормы, представляющей собой единственное открытое пространство, потрясенно застываю на месте. Мы больше не бултыхаемся посреди океана, а входим в устье реки. Золотистый свет по-прежнему присутствует, но солнце восходит не над бескрайней поверхностью воды, а над невысоким берегом, и вдалеке виднеются какие-то продолговатые сооружения.

Мы переплыли океан.

Я хватаюсь за телефон. Двадцать шестое марта. Не может быть! Капитан сказал: самое быстрое – девять дней.

По металлическому трапу грохочут чьи-то тяжелые шаги, я оборачиваюсь и вижу первого помощника с папкой в одной руке и планшетом в другой. Это непосредственный начальник Сильвии, Мартин Сиксмит. Она мне как-то тихонько сообщила его имя. Мартин всегда куда-то бежит или чем-то занят, и за все время путешествия я не обменялась с ним и двумя словами, не считая приветствия.

Теперь он останавливается и заговаривает со мной.

– О, Рамона, кажись?

У него такой чудовищный кокни, что я с трудом разбираю свое имя.

– Спасибо за помощь в спасении контейнеров, дорогуша. Капитан рад по уши – могли остаться без груза с таким штормягой.

Я чуть не выпаливаю, что просто спасалась от морской болезни, но лишь улыбаюсь, словно тягать веревки во время шторма для меня – самое обычное дело.

– Без проблем.

Я тычу пальцем в береговую линию.

– А это... Ирландия? Как...

Он довольно хохочет.

– Ха, ты отстала от жизни, дорогуша. Мы проскочили мимо Ирландии два часа назад, поэтому такая тишь да гладь. Там, куда ты смотришь, – побережье Уэльса. Не пройдет и часа, как зайдем в реку Мерси.

– Мерси? Так это же...

– Ливерпуль. Нас принесло сюда на восемнадцать часов раньше времени. Круто, да?

Он сует папку под мышку и трусит на бак, где собираются матросы. Я облокачиваюсь на перила. На восемнадцать часов раньше? Я моментально забываю о своих страхах и тошноте, словно этих нескольких дней и не было.

Я хватаюсь за поручни и с наслаждением вдыхаю прохладный утренний воздух, чувствуя себя на седьмом небе. Я пережила свой первый океанский переход, да еще и досрочно. Уж я найду чем занять лишние восемнадцать часов. Мартин сказал, что мы зайдем в Ливерпуль через час. Есть время собрать вещи и написать убийственный отчет Терезе Сайфер.

Вновь повернувшись к восходящему солнцу, я начинаю снимать берег, чтобы проиллюстрировать отчет. И вдруг замечаю нечто странное. Недалеко от берега по пояс в воде стоит человек. Во всяком случае, похоже на то. Я максимально приближаю изображение с помощью телефотообъектива. Да, точно, мужчина. Он слишком далеко, чтобы можно было рассмотреть лицо или одежду. Но по пояс в воде? В ледяном Ирландском море? В марте?

Эйфория улетучивается, горло сжимает страх. Зачем он полез в воду? Может, хочет свести счеты с жизнью? Я надеваю фотик на шею и машу ему обеими руками.

– Эй! Что вы делаете?

Мой голос уносит ветром, и, чтобы привлечь внимание самоубийцы, я делаю несколько нелепых прыжков, размахивая руками.

– Эй, друг! Эй!

Ноль эмоций. Море спокойное, но мужчину то и дело накрывает волной. Мы движемся так быстро, что он почти исчезает из виду.

Я уже собираюсь бежать на мостик, как вдруг вспоминаю голос Мартина Сиксмита. «На восемнадцать часов раньше. Круто, да?»

Восемнадцать часов. Даже если капитан оперативно сообщит о самоубийце на пляже – что, если никто на берегу не сможет помочь? Наверное, нам придется остановить судно и спускать шлюпку. Надо будет сообщить в полицию. Сколько это займет времени?

Я со вздохом подношу к глазам фотоаппарат. Теперь я едва могу его разглядеть, но кажется, он зашел дальше. Видны только плечи и голова.

Отпустив фотик, я обеими руками хватаюсь за поручни. Никто не объявляет тревогу. Его никто не заметил, кроме меня. Если я немедленно не подниму шум, этот человек погибнет. Стоит ли останавливать судно из-за какого-то незнакомца?

Не отдавая себе отчета, я бегу за Мартином.

– Мартин! На помощь! Человек за бортом!

Мой голос заглушает ветром. Может, это и к лучшему? Он ведь не упал за борт. Я вновь машу руками, пытаюсь привлечь внимание первого помощника.

– Мартин! Тревога! Смотри!

Я во весь дух несусь к нему. Он поворачивается к членам экипажа, завершает свою речь, и группа расходится по своим делам. Не сбавляя шага, я тычу пальцем в пляж, оставшийся позади, и хриплю:

– Человек в воде... там... сзади...

Судно сбавило обороты, и я вдруг замечаю в воде еще одну фигуру. Этот человек стоит ближе к берегу, но когда мы подплываем, волна накрывает его с головой. Я хватаю фотокамеру и навожу объектив на второго самоубийцу, как вдруг в поле моего зрения попадает третий. Он вроде стоит на коленях. А дальше в волнах болтается еще одна голова.

– Что за чертовщина? – бормочу я, поворачиваясь к Сиксмиту.

– Похоже на массовое самоубийство, – взволнованно говорит он. – Вот стервецы!

Мы продолжаем путь, и в воде вдоль пустынного пляжа появляется все больше человеческих фигур.

– Что происходит? – задыхаюсь от волнения я. – Ты можешь связаться с капитаном по рации?

Мартин делает большие глаза.

– Слишком поздно, – заявляет он, кладет планшет с папкой на ближайший шпангоут и начинает раздеваться.

– Придется самому!

– Не надо! – кричу я, удерживая его.

Он снимает форменный китель, оставив в моей руке только рукав, и тянется к ботинкам.

– Это опасно!

Мартин прекращает возню со шнурками и поднимает голову.

– У меня нет выбора. Посмотри, сколько их в воде – лемминги хреновы.

Я вновь хватаюсь за фотик и ловлю в фокус лица.

– Может, это какой-то религиозный культ? Что, если мы...

Я замолкаю, когда наконец удается навести объектив на одного из бедняг. Мужчину захлестывает волна, и он на мгновение исчезает из виду. Наведя резкость, я вновь ловлю фигуру в объектив, и впервые до меня доходит: что-то не так.

За спиной раздается сдавленный хрип. Оборачиваюсь и вижу, что первый помощник повис на перилах. Китель валяется на палубе, а ботинки по-прежнему на нем. Я кладу руку ему на плечо, но он сгибается пополам и хрипит еще громче.

– Мартин, – испуганно говорю я, – все хорошо. Не волнуйся. Я сбегая на мостик...

Наконец он выпрямляется, и я могу разглядеть его лицо.

– Мартин... Ты... смеешься?

Он корчится от смеха пуще прежнего, хватая себя за колени и с трудом произносит:

– Точно, культ. Ой, не могу! Не иначе, долбаный культ!

Я в замешательстве оглядываюсь на берег. Уже и без фотика видно, что в воде множество фигур – не меньше сотни. Я только теперь замечаю, что все они совершенно неподвижны.

Тем временем Мартин надевает китель и обнимает за плечо вновь прибывшего члена экипажа. По-моему, это Карл, под началом которого я работала.

Они захлебываются от смеха.

– Культ? – недоверчиво переспрашивает Карл. – Надо Сильвии рассказать!

– Кто наставил здесь этих статуй? – сердито вопрошаю я, но мои слова приводят лишь к новому взрыву хохота.

– Это не статуи, это культ, – хохочет Мартин.

Карл знаком подзывает ночного вахтенного матроса, имени которого я не помню, и через пару секунд все трое заходятся от смеха, поглядывая на меня.

Мартин, вытирая глаза, поднимает планшет и папку.

– Господи, ну и насмешила, сестричка, – говорит он, хлопая меня по плечу. – Благодаря тебе с твоим культом мне сегодня обеспечена бесплатная выпивка.

Не удостоив его ответом, я разворачиваюсь и спешу в свою каюту – писать отчет и выяснять, что за статуи. К тому времени как начинается разгрузка, я успеваю закончить отчет и собрать вещи. А теперь стою на мостике, прощаясь с капитаном. Он пожимает мне руку.

– Ты правда хочешь нас покинуть, Рамона? Ты стала настоящим моряком и, как я слышал, прекрасно проявила себя во время шторма, помогая крепить груз.

Я сжимаю ручку чемодана, не зная, чему больше радуюсь: что капитан не ругает меня за присутствие на палубе во время шторма или что не упоминает о дурацких статуях на пляже.

– Да, – торопливо отвечаю я. – Благодаря шторму я выиграла время и собираюсь распорядиться им с толком. Если успею на экспресс в Лондон, то смогу сесть на ночной поезд в Париж и опережу расписание на целых два дня!

Капитан выглядит озадаченным.

– А разве ты не хочешь посмотреть страну, прежде чем двинуться дальше?

– Конечно. Мне еще нужно в Реформ-клуб в Лондоне, перед тем как отправиться на... – я заглядываю в блокнот, – вокзал Панкреас.

– Панкрас, *liebchen*. Он назван в честь святого, а не в честь поджелудочной железы. – Увидев мое смущенное выражение, он меняет тему. – Значит, времени посмотреть Ливерпуль у тебя нет?

– Жесткий график, – пожимаю плечами я. – Да и вообще, я живу в портовом городе. Не думаю, что Ливерпуль так уж сильно отличается от Нью-Йорка.

– Только не говори это местным жителям, – фыркает капитан Анхельм и лезет во внутренний карман.

– Хочу подарить тебе кое-что, Рамона Кини, на память о нашем разговоре и о твоём первом переходе через Атлантику.

С этими словами он протягивает мне небольшую книгу в бумажной обложке – «Пять недель на воздушном шаре», должно быть, из собственной библиотеки.

Обрадовавшись, что будет чем заняться в поезде, я крепко обнимаю капитана и тут же осознаю, что погорячилась: прежде чем я успеваю вырваться, он смачно расцеловывает меня в щеки – по два раза в каждую.

Глава 14

Снимок: Великолепная четверка

Инстаграм: Роми_К [Ливерпуль, Англия, 26 марта]

#ЛевостороннееДвижение #Ливерпульцы #МузыкальноеОбразование

30 ♥

После пылкого прощания с капитаном я спешу вниз по трапу на паспортный контроль. Я горжусь тем, что стала настоящим моряком, и все же очень рада вновь ступить на твердую землю.

На причале я останавливаюсь и жду, пока пройдут остальные члены экипажа. Мне до сих пор не верится, что я в другой стране.

– Ты пересекла океан, – говорит, проходя мимо, второй помощник Сильвия.

– Да, – сияю я. – Сама не верю.

Она не останавливается, только подмигивает мне через плечо.

– *Ciao ciao bella*, шевели ножками!

Следуя ее совету, я вдыхаю прохладный британский воздух и иду по причалу. Меня до сих пор слегка покачивает, а под ногами гудят двигатели, даже когда я вхожу в здание. У пограничника такой акцент, что все приходится переспрашивать по два раза. Когда же до меня доходит, что он говорит, как жители Бронкса, я начинаю его понимать. Он со скучающим видом ставит штамп в паспорт, и я победоносно устремляюсь к выходу. Я на пути к цели, да еще и опережаю тщательно составленный график.

Пообещав себе внести изменения в расписание, как только сяду в лондонский поезд, я выхожу на дорогу и машу рукой проезжающему такси, и вдруг какая-то неведомая сила резко дергает меня назад. Я спотыкаюсь о бордюр и падаю на пятую точку. По дороге проносится грузовик – так близко, что сдувает мой капюшон. Меня чуть не сбила машина.

– Господи боже! – кричит кто-то у меня за спиной. – Он чуть тебя не переехал!

На меня с ужасом смотрит круглая розовощекая женщина с осветленными кудряшками, упряманными в черную сеточку для волос.

– Ты жива, девонька? – пронзительно кричит она мне в ухо, все еще не отпуская лямку моего рюкзака.

– Кажется, да.

Я хватаю ртом воздух и с трудом поднимаюсь на ноги.

– Спасибо, я его не заметила.

– А, так ты американка? Тогда все ясно, – говорит она, пока я отряхиваю одежду.

Вроде бы все цело, только пониже спины болит.

– У нас надо смотреть сначала направо, солнце. Или смотри на всякий случай и туда и туда, если вздумаешь выйти на дорогу. Ты не в Канзасе, деточка.

Она хихикает, довольная своим остроумием.

– Я из Нью-Йорка и ни разу не была в Канзасе, – говорю я, поднимая упавший чемодан.

– А, Нью-Йорк, – одобрительно кивает она. – У меня там сестра, троюродная. Я гостила у нее в детстве. Мы общаемся на фейсбуке. Обожаю фейсбук.

Она смотрит на часики на пухлом запястье.

– Ой, мне пора. Стоянка такси вон там, на автовокзале. Все время прямо, не пропустишь.

На светофоре загорается зеленый человечек, автомобильное движение замирает, и перекресток заполняется снующими через дорогу пешеходами. Я устремляюсь к стоянке такси, непонятно почему чувствуя себя нарушительницей.

По мере того как я углубляюсь в город, запах моря исчезает, а золотистый утренний свет у меня над головой заволакивает серый туман. Неожиданно начинается дождь. Увидев такси, я отчаянно машу рукой, и – о чудо! – оно останавливается.

Я запихиваю на заднее сиденье чемодан и прыгаю вслед за ним в салон. Таксист тоже вычисляет меня, едва я успеваю открыть рот.

– Из Америки?

– Ага, – отвечаю я, вытирая рукавом дождевые капли. – Из Нью-Йорка.

Водитель благожелательно улыбается мне в зеркало заднего вида.

– Летал туда в прошлом году с супругой. Специально чтобы увидеть «Дакоту».

– А, Джон Леннон? – догадываюсь я.

Таксист грустнеет.

– Мой дядя без ума от «Битлз», – говорю я. – Они вроде откуда-то из этих краев?

Водитель выпучивает глаза, и машина резко виляет в сторону.

– Вы остро нуждаетесь в музыкальном образовании, юная леди, – заявляет он. – Вам на поезд или на автобус?

– На поезд. В Лондон. А потом в Париж. Желательно прямо сегодня.

– Значит, вокзал на Лайм-стрит, оттуда отправляется экспресс. А по дороге я познакомлю тебя с местной историей.

– Договорились.

Он немного расслабляется, и следующую четверть часа я, прижавшись носом к стеклу, слушаю рассказ о «Битлз» и записываю его в блокнот. Это произведет впечатление на Мерва, а самое главное – добавит местного колорита к отчету в «Экслибрис».

– А вон в тот паб прошлым летом заходил Пол, – говорит таксист, подъезжая к вокзалу. – Играл на пианино, все дела. Представляешь, спеть «Леди Мадонну» под кружку пива с самим Полом Маккартни?

Он вытирает глаза и указывает рукой в окно.

– Приехали. Разумеется, у тебя не найдется времени совершить «Волшебное таинственное путешествие», пока ты здесь?

– Оно у меня в списке, – уверяю его я, доставая кредитку. – Спасибо, что подвез. Сегодня же напишу дяде. Он умрет от зависти.

Таксист машет на прощанье рукой. Истории о «Битлз» приносят мне удачу: я успеваю взять билет на последний экспресс в Лондон.

Глава 15

Снимок: Реформ-клуб, Пэлл-Мэлл
Инстаграм: Роми_К [Лондон, Англия, 26 марта]
#УИстоков #Дресс-код
37 ♥

Отчет о путешествии для компании «Экслибрис» от Рамоны Кини

Описание города и региона: Ливерпуль, четвертый по величине город в Соединенном Королевстве. Обязателен к посещению по дороге в Лондон.

Главные достопримечательности и чем заняться: родина «Битлз». Не пропустите Земляничную поляну. Сможете ли вы найти тайный знак на каждом участнике Великолепной Четверки на памятнике в Пир-Хед?

Для любителей чтения: Центральная библиотека, недавно реконструированная, находится на Уильям-Браун-стрит.

Где остановиться: лучшие гостиницы расположены в районе порта на Уотер-стрит.

Где поесть: для изысканного ужина лучше всего подойдет «Школа искусств» на Сагнел-стрит, а прямо на набережной можно недорого подкрепиться камбалой с жареной картошкой.

Что еще интересного: не пугайтесь, если заметите массовый исход в воды реки Мерси. Ландшафтная инсталляция под названием «Другое место» представляет собой коллекцию чугунных скульптур в человеческий рост, стоящих в воде лицом к морю. Буль-буль!

Пока я дописываю отчет, поезд подходит к Юстон-стейшн. Я, как никогда, довольна собой. Опережаю график, нашла где поесть и даже купила пачку каких-то «Хрустиков с ароматом вустерского соуса» – почти уверена, что это обычные картофельные чипсы, – чтобы подкрепиться в поезде. Кроме того, пока я пересекала Атлантику, количество моих подписчиков в инстаграме стремительно взлетело вверх. Посты набирают по тридцать лайков и больше – их число выросло по сравнению с Нью-Йорком в два с лишним раза. Я выпрыгиваю на платформу с порозовевшими от гордости щеками.

Я ускоряю шаг в ритме бодрого марша, который играет расположившийся возле билетной кассы оркестр пожилых лысеющих джентльменов. Я прохожу мимо ветеранов к висящему на стене автомату, чтобы купить билет. Поезд на Париж отправляется не отсюда, а с другой станции – вокзала Сент-Панкрас, спасибо капитану Анхельму, теперь я знаю, как он правильно называется. Как и всякий интроверт, я узнаю больше слов из книг, чем из общения с людьми.

По пути на Сент-Панкрас я должна отметить в лондонской контрольной точке: Реформ-клубе. Осознав, какое расстояние придется преодолеть по городу за час до отправления поезда, я вновь скиаю. Но не зря же я коренная жительница Нью-Йорка. Вцепившись в остатки самоуверенности крепче, чем в ручку старого чемодана, я ныряю в подземку.

Один поезд – точнее, два, если считать тот, куда я вбежала по ошибке и опрометью выскочила, просунув в закрывающиеся двери чемодан, – и я у цели.

Место, откуда все началось. Во всяком случае, для Филеаса Фогга. Реформ-клуб действительно существует, хотя он больше напоминает внушительный загородный особняк, чем частный мужской клуб. Правда, я никогда в жизни не видела частного мужского клуба.

Солнце уже садится, но когда заканчивается дождь, я делаю пару снимков клубного флага старым «Кэноном». Затем, внимательно поглядев направо и налево, ставлю чемодан на тротуар и достаю телефон. Надо быстренько сделать селфи у входа.

Не успеваю я расположиться перед дверью, как она распахивается. На пороге стоит молодой человек в костюме и полосатом галстуке.

– Доставку принимают с бокового входа, – говорит он.

– Я бы хотела сфотографироваться в... – начинаю я, но он прерывает меня взмахом руки.

– Это частный клуб, мадам. У нас дресс-код.

Я, конечно, с дороги, но мои джинсы постираны только вчера на «Острове Гернси», а конверсы даже не заляпаны грязью, как частенько бывает.

– Дресс-код для селфи? – удивляюсь я.

– В джинсах нельзя, – презрительно фыркает он. – А что касается селфи...

Он произносит это слово с таким отвращением, будто от него дурно пахнет.

– Никакие селфи здесь недопустимы.

Он захлопывает дверь у меня перед носом, а я ухмыляюсь в камеру. Впервые за все время этого безумного путешествия меня охватывает блаженство. Над Филеасом Фоггом члены Реформ-клуба тоже насмехались. Как бы то ни было, несмотря на возмущение этого пижона, снимок у меня есть. Первая контрольная точка официально пройдена, причем с опережением графика.

Пора отправляться в Париж.

Я не теряю веры в себя всю дорогу до вокзала и позже, когда усаживаюсь в невероятно удобное кресло в поезде «Евростар». Сервис включает бесплатный и даже функционирующий вайфай. Я подключаюсь и вижу в почтовом ящике единственное новое письмо – от Фрэнка Винала. Тема: уведомление о выселении.

Глава 16

Снимок: Поезд «Евростар»

Инстаграм: Роми_К [Лондон, Англия, 26 марта]

#Евротоннель #ПожалуйстаСент-Панкрас

37 ♥

frankvenal@heattmail.com

26 марта

Кому: Рамоне Кини, квартира 2Б

Тема: Торгово-складское помещение, в настоящее время занимаемое магазином «Две старые королевы. Книги и чай», Вторая авеню, Ист-Виллидж, Нью-Йорк

Считайте это официальным письменным предупреждением от законного владельца вышеупомянутого объекта недвижимости. В случае если нынешний арендатор Мервин Кини-Нокер не внесет в полном объеме установленную новым соглашением арендную плату до первого мая, вы, как субарендатор прилегающего к вышеупомянутому помещению пространства, обязаны освободить помещение, известное как квартира 2Б, сопряженное с вышеупомянутым пространством.

Соблюдение этого требования до первого мая позволит вам избежать принятия юридических мер, в том числе выселения. Настоящим уведомляю, что вы получите право избежать выселения, совершив оплату до истечения указанного срока.

С уважением,

бакалавр права Ангелина Свитмит,

«Коэн, Авенатти и Свитмит»,

юридические советники мистера Фрэнка Винала.

После прочтения этого ужасающего послания я решаю, что лучший способ отвлечься – заняться каким-нибудь делом. Я выхожу из Интернета и сосредотачиваюсь на написании отчета для «Экслибриса». Писанина занимает целый час. Но даже дополнив отчет списком занятий, которые я и не начинала исследовать, и придав ему бодрый, приключенческий тон, я не в силах отвлечься от угрозы юриста. Я настолько взволнована, что забываю даже об огромной массе воды у себя над головой, а ведь поезд несется через туннель под Ла-Маншем. Стоит воде найти малейшую трещинку в этом сооружении, как мы окажемся в смертельной ловушке и все до единого утонем, прежде чем нас попытаются спасти. Ну, почти забываю.

И все же события, происходящие дома, волнуют меня значительно больше. Зачем Фрэнк Винал приказал своим юристам мне написать? Наверное, хочет, чтобы меня парализовало от страха. Рианна тоже гипнотизирует взглядом мышь, перед тем как на нее броситься.

– Рамона Кини тебе не мышь, – бормочу я, захлопывая крышку ноутбука.

Я не собиралась произносить это вслух, но женщина напротив опасно косится в мою сторону, закрывает журнал и пересаживается в другой конец вагона.

Ее бегство заставляет меня сосредоточиться на мыслях о Париже, и это идет на пользу, потому что, обдумав свои планы, я ухитряюсь даже ненадолго вздремнуть.

Поезд приближается к Гар-дю-Нор – Северному вокзалу, если верить телефонному переводчику, и я в полной боевой готовности. Я записала в блокнот план покорения Парижа и успела, пока не разрядился телефон, отправить мерзкое письмо от юриста в папку под названием «Всякая мутотень», куда обычно закидываю послания Джонны. Я не позволю Фрэнку Виналу испортить мне жизнь.

Невзирая на недосып и тревогу, первая цель достигнута, причем это оказалось до смешного легко. На платформе стоит ряд билетных автоматов, и можно даже выбрать инструкцию на английском языке. Мне удастся найти поезд-экспресс, который за каких-то двадцать шесть часов доставит меня в Бриндизи, Италия. Великолепно! Бриндизи – одна из контрольных точек Фогга, расположенная рядом с острым каблуком «итальянского сапога», и я отвела на дорогу из Парижа целых двое суток.

Более того, поезд отправляется только через три часа, и у меня есть время на небольшую экскурсию по Городу света.

Закинув на плечи рюкзак, я хватаю чемодан и нацеливаюсь на ближайший знак подземки, однако, сбегаю по ступенькам вниз, замечая вывеску «Хранение багажа». Я вспоминаю, как неудобно было таскаться со всеми пожитками по Лондону.

Презрительно фыркнув при виде моего многострадального чемодана, владелец магазина пытается всучить мне новый, на колесиках. Я ни за какие коврижки не расстанусь со своим, но очень кстати вспоминаю, что мне нужен дорожный адаптер вместо того, что я вернула Сильвии. Через пять минут чемодан вместе с новым адаптером помещен в надежное хранилище, и я выхожу из магазина налегке: фотоаппарат на шее, десять евро на мелкие расходы и бесплатная карта города в руке. Я погуляю по Парижу, не таская за собой все свое имущество, а в поезде по дороге в Италию смогу зарядить сразу все гаджеты. Нет, я просто молодец!

Вскоре выясняется, что кроме подземки, которая называется «метро», в Париже есть масса другого общественного транспорта: городские поезда, трамваи, разветвленная сеть маршрутных автобусов. Они ползут по дороге сплошным потоком, и у меня нет никакой возможности оглядеться по сторонам. То, что система подземного сообщения в Лондоне и Париже не уступает нью-йоркской, для меня откровение. И разумеется, все эти города объединяет то, что даже самый целеустремленный путешественник не успеет посмотреть их за один день. Тем не менее надо сделать все возможное.

Спускаясь вприпрыжку в ближайшее метро, я задумываюсь о том, что все это безумное предприятие меньше всего похоже на путешествие. Скорее на задание, как в школе, и я смогу его выполнить только в том случае, если буду действовать четко и сосредоточенно. Красота и романтика Парижа, знакомого мне из книг, останутся под обложкой. Как бы ни хотелось, я не успею увидеть ни обгоревшие башни собора Парижской Богоматери, где тосковал по Эсме-ральде Квазимодо, ни Триумфальную арку на Елисейских Полях. И на кладбище Пер-Лашез, где покоится дядин кумир Джим Моррисон, я тоже не попаду. За оставшиеся три часа я должна сделать всего одно дело: идеальный снимок Эйфелевой башни.

Через полчаса я выхожу из метро на станции с одноименным названием. Впервые после злосчастного послания нового домовладельца я вновь обретаю уверенность в себе. Даже если я провожусь здесь два часа, все равно успею вернуться на Гар-дю-Нор. Сяду в поезд, который промчит меня через всю Италию, и – прощай, Европа! На три полных дня раньше графика, составленного на «Острове Гернси». Меня распирает от радости. Я сдам этот экзамен с блеском! К концу завтрашнего дня я попрощаюсь со вторым континентом. Не пройдет и месяца, как я буду отсчитывать эти чертовы деньги Фрэнку Виналу в собственные руки. Желательно – купюрами по одному доллару, пусть мучается.

Сжимая в руке «Кэнон», я победно улыбаюсь контролеру на входе и радостно говорю, вставляя в отверстие билет:

– *Vive le France!*⁴

– *Merci*, – отвечает он. – *Tu parle comme une vache espagnol*⁵.

Я расцениваю это как комплимент. Похоже, он принял меня за испанку.

Выйдя из метро, я сразу замечаю башню и останавливаюсь как вкопанная. Я плыла сюда на океанском теплоходе и ехала в подземном поезде, и теперь мне просто не верится, что вот он – знаменитый символ Парижа, совсем рядом, только руку протяни. Ажурная громадина возвышается на фоне парижского неба. Не знаю, как бы она смотрелась в Манхэттене, но в окрестностях нет ни одного небоскреба, способного умалить ее величие.

Прежде чем перейти дорогу, я внимательно смотрю направо и налево, однако меня ждет еще один приятный сюрприз: машины, как им и положено, едут по правой стороне.

Правда, я едва успеваю отскочить от несущегося на меня мопеда, но сама виновата – стою на велосипедной дорожке.

Как и в районе вокзала, улицы забиты транспортом. Из маленькой пекарни доносятся божественные ароматы ванили и марципана. По дороге сплошным потоком движутся автомобили и мотоциклы, а велосипеды и мопеды, похожие на гигантских жуков, борются за место на тротуаре с пешеходами. Над всей этой суетой возвышается стройный силуэт Эйфелевой башни, такой знакомый, словно я выросла под ее мощными металлическими опорами.

Несмотря на пасмурный день и начинающий моросить дождик, меня переполняет восторг. Это сооружение совсем не похоже на мой любимый Эмпайр-стейт-билдинг, но здесь, на другой стороне глобуса, во Франции, он выполняет ту же самую функцию: заставляет людей посмотреть в небо.

– *Bonjour Mademoiselle! Comment ça va?*⁶

Возле моего локтя материализуется неприятный тип с выдавшей виды картой в руке – очевидно, предлагает услуги гида.

– Нет, спасибо, – решительно произношу я.

Он не отстает и продолжает что-то лопотать – низенького роста, с землистым цветом лица, и дело даже не в этом: все решают грязные ногти. Наверняка мошенник.

– Я не понимаю по-французски, и вообще не интересуюсь, – говорю я.

После этого он переходит на ломаный английский и обещает показать секретную комнату, спрятанную в башне. Меня не проведешь.

– *Non, merci!*⁷, – повторяю я и подхожу поближе к вооруженному охраннику у входа в метро.

Незадачливый «гид» моментально растворяется в толпе. Мои губы растягиваются в улыбку. Один-ноль в пользу Роми. Я, между прочим, из Нью-Йорка, дружок, и мошенников за километр чую.

Я направляю видеоискатель на башню и, подойдя ближе, замечаю детали, о которых не подозревала раньше. Кабинки, движущиеся по опорам, напоминают не лифты, а скорее вагончики фуникулера. Они плавно скользят вверх и вниз, и я могла бы смотреть на них целый день, но время идет. Несмотря на широкоугольный зум-объектив, захватить всю башню с такого близкого расстояния не получится, и я спешу к мосту через Сену.

Река широкая и коричневая, с быстрым течением. Я опираюсь локтем на каменный парапет. Внизу проходит прогулочный кораблик. Под стеклянной крышей видна горсточка туристов. Как бы мне хотелось быть среди них: сидеть, откинувшись на спинку кресла, и неспешно рассматривать виды этого потрясающего города.

⁴ Да здравствует Франция (искаж. фр.).

⁵ Ты говоришь, как испанская корова (фр.).

⁶ Добрый день, мадемуазель! Как ваши дела? (фр.)

⁷ Нет, спасибо (фр.).

Не думать об этом! Я решительно отворачиваюсь, направляю объектив на башню и делаю несколько десятков снимков, которые должны получиться совершенно потрясающими.

Ретировавшись под тент туристического магазинчика, я просматриваю фото. Несколько минут с черно-белыми фильтрами на компьютере – и результат побьет по популярности мои лучшие снимки Эмпайр-стейт.

Довольная проделанной работой, я вешаю фотокамеру на плечо, разворачиваюсь и... врезаюсь в несущийся по тротуару мопед.

Столкновение достаточно мягкое, и я удерживаюсь на ногах, а вот девушка, ехавшая на мопеде, каким-то образом оказывается на земле.

– Ой, извини, – бормочу я, помогая ей подняться. – Ты цела, не сильно ушиблась?

Девчонка, моего возраста или чуть моложе, дрожащими руками отряхивает одежду.

– *Oui, oui*. Кажется, нет.

Несмотря на дождь, на ней короткая черная юбчонка и обрезанная футболка. Открытые части тела, по-видимому, не пострадали. Крови не видно, даже коленки не поцарапаны. Я поднимаю мопед.

– Кажется, мопед в порядке, – говорю я, но ее лицо выражает сомнение.

– *J'ai un petit peu mal à la tête*⁸, – произносит она, трогая рукой висок.

– Извини, – повторяю я. – Тебе нужен врач? Чем я могу помочь?

– Нет, ничего страшного, – с очаровательным акцентом говорит она, – только я теперь опаздываю на свидание.

Надо было смотреть, куда едешь! Разумеется, я не произношу этого вслух.

Она подходит к мопеду и берется за ручки, которые начинают трястись.

– Ты точно можешь ехать? – обеспокоенно спрашиваю я.

Она поднимает на меня круглые глаза, в которых стоят слезы. Тушь немного размазалась в уголках, и мне еще больше становится ее жалко.

– Я, пожалуй, пойду пешком. Тут недалеко.

Девушка спотыкается и чуть не роняет мопед. Подавляя рыдание, она тянется к моей руке.

– А ты... ты не могла бы меня провести? Моя квартира сразу за углом. Рядом с метро.

Меня охватывает чувство вины. Бедняжка пострадала из-за моей беспечности. Ну и что, что она ехала слишком быстро! Самое меньшее, что я могу для нее сделать, – провести домой.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Мне все равно в метро.

– *O, merci*. – Она берет меня под руку. – Здесь можно пройти... как это сказать, быстрая дорога?

– Напрямик?

– *Oui*, напрямик. Через Пти-Сентюр, мимо ворот, вот сюда.

Могу сказать в свое оправдание только одно: нью-йоркские грабители никогда не разводят таких церемоний. Они толкают тебя на землю, вырывают сумку и что там у тебя еще есть, и убегает. Дома меня грабили лишь однажды: отняли карманные деньги в четвертом классе. Это считается? Возможно, поэтому моя интуиция дает сбой, и я ничего такого не думаю, пока мы идем по разрушенной старой эстакаде мимо раскуроченных железных ворот и резко поворачиваем за угол. А когда начинаю подозревать неладное, уже поздно.

Дорога неожиданно обрывается над тихим, поросшим зеленью кусочком железнодорожного полотна, явно заброшенного. Душный бензиновый запах городской улицы сменяется едва

⁸ У меня немножко болит голова (*фр.*).

слышным ароматом сырой, мшистой земли. Все поверхности покрыты граффити, а рельсы внизу тянутся к жерлу туннеля, заросшего плющом.

За углом нас ждет симпатичный молодой француз – чуть ниже меня ростом, с обворожительной улыбкой. Правую руку он спрятал в карман.

– *Elle est Américaine*, – говорит ему девушка, внезапно забывшая о своем недомогании.

Она крепко держит меня за руку и притягивает так близко к себе, что я улавливаю аромат ее мятного шампуня.

– Круто, – насмешливо говорит парень, наклоняется и страстно целует свою подлую подружку в губы.

Эта игра на публику мне отвратительна, поскольку девчонка не ослабляет хватку, делая меня невольной участницей этого поцелуя. Когда они отрываются друг от друга, парень вырывает у меня фотокамеру.

– Я возьму это, мадемуазель, – говорит он, – и вашу сумочку, если позволите.

Проигнорировав приказ, я пытаюсь высвободить руку. Девчонка не отпускает меня, но ее хватка ослабевает.

– Я вас не боюсь, – заявляю я, согнув колени и глядя ему прямо в глаза. – Я из Нью-Йорка, понял, сукин сын?

Напрягая все мускулы, я пытаюсь выдернуть руку, но в это время девчонка отпускает меня, я теряю равновесие и лечу вниз.

Глава 17

Снимок: Эйфелева башня

Инстаграм: Роми_К [Париж, Франция, 27 марта]

#ВеснаВПариже #Пти-Сентюр #Сволочи

47 ♥

Единственное, что хорошо, – я приземляюсь не на рельсы или шпалы, а на какую-то кучу щепок. Кроме того, поскольку все произошло неожиданно, я не успеваю сгруппироваться и падаю, как тряпичная кукла. Однако я успела зацепиться рукой за ремень и вырвать фотоаппарат из рук француза. Он с нехорошим треском подпрыгивает на бетонном уступе и приземляется рядом со мной.

– *Merde*⁹, – злобно выплевывает девушка.

Над краем обрыва появляется ее бледное лицо, окаймленное длинными темными волосами.

На меня нападает бешенство.

– Сволочи, – хриплю я, поднимаясь на ноги. – Вы разбили мой фотик!

Над обрывом появляется физиономия парня.

– Что за фигня? – возмущается он. – Несчастных десять евро?

– Ты знаешь, сколько стоит моя фотокамера? – воплю я.

– Уже несколько, – ухмыляется он и исчезает из виду.

Что-то летит вниз, и я уклоняюсь, но это всего лишь пустой рюкзак. Они забрали деньги, но любезно оставили мне карту Парижа. И разбитый «Кэнон».

Наверху раздаются сердитые голоса. Не понимая ни слова, я чувствую горькое удовлетворение, потому что парочка явно ссорится. Звуки перепалки удаляются. Я поднимаю фотоаппарат. Из объектива выпадает кусок стекла. В серо-зеленом полумраке трудно разглядеть, насколько серьезна поломка. Я со вздохом кладу фотик в рюкзак и только сейчас замечаю бирку от багажа. Во всяком случае, остальные ценные вещи находятся в надежном месте. Уже легче. Я поворачиваюсь и отправляюсь искать путь вверх. Его нет. Ни лестницы, ни ramпы. Ничего, кроме старой кирпичной стены. Подняв взгляд, я догадываюсь, что эстакада, на которой я стояла, вела когда-то к какому-то сооружению, возможно, деревянному, и оно давно сгнило.

– Эй! – кричу я, но голоса спорщиков затихли: они, видно, ушли. – Эй, вы ведь не можете меня здесь бросить!

Оказывается, что очень даже могут. Меня охватывает жалость к себе, но я быстро беру себя в руки.

Судя по всему, это заброшенная железная дорога, и как отсюда выбраться, совершенно непонятно. Она находится на поверхности, минимум на пять метров ниже уровня местности. Вдалеке под стеной валяется брошенный остов мопеда, похожего на тот, на котором меня сбила подлая француженка.

Все, что осталось, – пустой рюкзак, бесплатная карта Парижа и сломанный фотоаппарат. Ни денег, ни телефона. И никаких шансов добраться до Северного вокзала. До поезда осталось полтора часа, и он уйдет без меня.

Я иду вдоль стены, ведя по ней рукой. Взобраться тут совершенно невозможно.

– Эй, кто-нибудь! – кричу я, подавляя панику. – Эй!

⁹ Черт! (фр.)

Нет ответа. Вдалеке слышен приглушенный шум дороги. Я разворачиваюсь. Должен быть какой-то выход. Щепки под ногами, смягчившие мое падение, уступают место мелкому серому гравию. Идя по рельсам, я подвожу итоги. Примерно на одинаковом расстоянии от меня виднеются два железнодорожных туннеля, тоже облицованные кирпичом. Два темных полукруга, ведущие в неизвестность. Стены под плющом испещрены граффити.

Дождь пускается сильнее. Я неохотно бреду по гравию, решив укрыться в жерле одного из туннелей. Порыв ветра окатывает меня ледяными брызгами. Я делаю еще несколько осторожных шагов в темноту. Гравий под ногами с хрустом осыпается, и из-под земли раздается крик:

– *Arrêtez!*¹⁰

Я отпрыгиваю назад, и внезапно меня ослепляет яркий галогенный свет, бьющий из дыры прямо под ногами.

Хорошо, что у меня крепкое сердце. Иначе, даже если бы я пережила ограбление и падение с обрыва, оно бы неминуемо остановилось, когда выползшая из-под земли рука схватила меня за щиколотку. Тем не менее мне очень страшно.

После того как они наконец выбираются из-под земли и мы останавливаемся на языке, который более-менее понимают все присутствующие, дело идет на лад. Как только до меня доходит, что два грязных существа, выползшие из-под земли, – не злобные орки и не кроважидные монстры, я перестаю размахивать «Кэноном» как оружием и вижу перед собой вторую за сегодня пару французов. Они тоже молоды и явно разнополы, хотя на этом сходство заканчивается.

– Мы – катафилы, – с гордостью говорит девушка, поправляя прожектор у себя на лбу, чтобы тот не светил мне в глаза. – Мы исследуем туннели и пещеры под Парижем.

Она произносит последнее слово, как настоящая парижанка, но я уже один раз попала на очаровательное французское произношение, поэтому подозрительно прищуриваюсь и крепче хватаюсь за ремень разбитой фотокамеры.

– Это работа такая?

– Нет, развлечение, – трясет головой девушка. – А еще выкладываем фото в инстаграм.

Она миниатюрная, чуть больше полутора метров ростом, и одета в оранжевый комбинезон и высокие болотные сапоги. Бледное личико в грязи, волосы вроде темные. Или просто грязные? На вид ей чуть больше двадцати.

– *C'est illegal*, – добавляет ее спутник, – *tres illegal!*¹¹

Парень – ее ровесник, немного выше меня, а кожа у него такая темная, что грязь оставила на ней более светлые пятна. Он тоже в резиновых сапогах, а на руках – желтые перчатки для мытья посуды. Несмотря на грязь и одежду, он очень красив. Похож на молодого Майкла Джордана.

Тем не менее я на всякий случай перехожу на другую сторону туннеля, чтобы между мной и землеройками оставалось немного свободного места.

– Извини, что схватила тебя за ногу, – говорит девушка. – Просто ты мне чуть на голову не наступила.

Она указывает грязной перчаткой на своего товарища.

– Это Рол. А я Амели, но можешь называть меня Рокс.

– Потому что мы Рокс-н-Рол, – говорит парень, делая «козу».

– У него ужасный английский, – закатив глаза, поясняет Амели-Рокс.

Сама она говорит сносно, только с акцентом.

– Его зовут Роланд, сокращенно Рол.

¹⁰ Стой! (фр.)

¹¹ Это незаконно... очень незаконно! (фр.)

– *Tu lui dit que je la trouve belle, non?*¹² – обращается к своей спутнице Рол, строя мне глазки.

Я не понимаю ни словечка, но все же делаю еще два шага назад.

– Даже не подумаю, – сердито говорит ему девушка и поворачивается ко мне. – То, что мы делаем, – незаконно, поэтому мы пользуемся прозвищами на случай, если нас поймают флики. За это грозит штраф или даже тюрьма.

– Катафлики, – поддакивает Рол, – полиция.

– Понятно, – осторожно отвечаю я, начиная понимать, что эти подростки – всего лишь искатели приключений, и выглядят они совершенно безобидными. Тем не менее хватит с меня на сегодня встреч с парижской преступностью. – А что вы там говорили о пещерах? – спрашиваю я, вспомнив информацию о Париже, почерпнутую в интернете. – Вы имеете в виду катакомбы, где подземное кладбище?

Рол кивает, а Рокс пожимает плечами.

– Парижские катакомбы – лишь небольшая часть огромной подземной сети. Они для туристов, туда может войти любой желающий. А у нас – совсем другое.

Она указывает на мой фотик.

– Туристам здесь делать нечего. Ты не готова к опасностям.

– Послушай, – говорю я, подавляя нетерпение. – Я не туристка. И я попала сюда не по доброй воле. Меня ограбили, и я не знаю, как отсюда выбраться. Мне нужно попасть на Гардю-Нор. Через час отправляется мой поезд. У меня украли деньги, и придется идти пешком.

Рокс мрачнеет.

– *Je suis désolée*, – упавшим голосом говорит она и прерывается, чтобы перевести мои слова Ролу. – Мне очень жаль, что тебя ограбили. Не все парижане такие.

– *Connards!* – потрясает кулаками Рол. – Ублюдки!

– Спасибо за сочувствие, – говорю я. – Вы не могли бы показать, как отсюда выйти? Я спешу.

Рокс чешет нос рукой в перчатке, которая оставляет на нем грязный след, и указывает в глубину туннеля.

– Смотри: иди все время по рельсам, это где-то около двух километров. Держись левой стороны, до самого конца. Когда туннель закончится, там будет дырка в заборе. Пролезь в нее, поднимись по берегу, и *voilà!* Ты окажешься в одном квартале от желтой линии.

Она поворачивается к Ролу, который забыл выключить прожектор, и свет от него скачет по стенам.

– *RER jaune, oui?*

– *Mais, oui*, – сверкает белозубой улыбкой парень.

Уверена, что через несколько лет эта улыбка разобьет не одно женское сердце.

– Два километра? Это больше или меньше, чем две мили? – переспрашиваю я, всей душой надеясь, что меньше.

– Немножко меньше, – говорит Рокс, – но туннель старый, надо смотреть, куда идешь. Бежать не советую.

Я тяжело вздыхаю. Опоздание на поезд отбросит меня как минимум на два дня назад, и все мои достижения пойдут коту под хвост.

– Ладно, попробую. Буду идти по шпалам.

– Через час? – с сомнением в голосе говорит девушка. – В жизни не успеешь. Двадцать минут до метро, и столько же ехать до вокзала. И ты же говорила, у тебя украли деньги?

– Ну и черт с ним, все равно попробую.

¹² Ты ведь ей сказала, что она красавица? (фр.)

– Подожди! – кричит Рол, показывая, что он знает еще одно английское слово, и начинает расстегивать молнию на своем костюме. – *J'ai une autre idée!*¹³

Рол достает что-то из внутреннего кармана, и они с подругой обмениваются короткими непонятными фразами. Рокс поворачивается ко мне. У нее в руке маленький пластиковый пакетик. Ее лицо выражает надежду, смешанную со скепсисом.

– Как ты чувствуешь себя в замкнутых пространствах?

У меня появляется нехорошее предчувствие. По рельсам снаружи колошматит дождь. Девушка указывает на черную дыру у нас под ногами.

– Я знаю, с непривычки выглядит пугающе, – говорит она, снимает фонарь и направляет свет в отверстие. – Но когда пролезешь, там будет попросторнее. Можно даже идти в полный рост, честно. Там примерно сто – сто пятьдесят метров. Потом поднимаешься по маленькой лесенке – и *voilà!*

Я тяжело сглатываю и отвожу взгляд от входа в пещеру.

– Что «вуаля»?

– Метро. Станция «Эйфелева башня». В пяти минутах ходьбы, не больше.

Перевожу взгляд с серьезного лица девушки на радостную физиономию парня.

– А по верху короткой дороги нет?

Они мотают головами.

– Подняться можно только с веревками, – объясняет Рокс, сжимая в руке пластиковый пакетик. – Это проездной Рола. Денег у нас тоже нет, но он тебя проведет.

Я смотрю на парня. Он наконец додумался снять фонарь и сверкает улыбкой.

– Почему ты это делаешь?

– Мы там внизу всегда помогаем друг другу, – с чудовищным акцентом говорит он по-английски.

Я бросаю взгляд на осыпающуюся трещину в полу туннеля. Туда поместится разве что некрупный пекинес.

– Я туда не помешусь.

– Поместишься, – уверяет меня Рокс. – Рол больше тебя, и пролез.

– Спускаться будем задом.

Рол одобритительно кивает, напевая что-то себе под нос, и протягивает мне свои желтые перчатки.

Я тяжело вздыхаю, стараясь не думать о миллионах скелетов, захороненных в катакомбах, и лезу задом в нору.

¹³ Есть идея получше! (*фр.*)

Глава 18

Снимок: Вход в пещеру под Парижем
Инстаграм: Роми_К [Париж, Франция, 27 марта]
#ДорогаВАд #СумасшедшиеКатафилы
97 ♥

Что я узнаю под землей:

1. Шахтеры, трудившиеся в старину под землей на месте будущего Парижа, с помощью ручных инструментов добывали так называемый лютецианский известняк. Они оставили после себя более двух сотен миль извилистых подземных лабиринтов.

2. Катакомбы находятся под системой канализации. Под туннелями, по которым проходят электросети. Под метро.

3. Первые официальные упоминания о каменоломнях восходят к тринадцатому веку, но возможно, что камень добывали на протяжении веков и раньше. Люди трудились в нечеловеческих условиях, по сравнению с которыми колл-центр Джоны покажется спа-салонem.

4. Когда останки с переполненных кладбищ начали проваливаться в подвалы жилых домов, сотни тысяч скелетов были выкопаны и перевезены в катакомбы. Впоследствии катакомбы превратили в туристическую достопримечательность. Там находится лишь часть останков, которые складировались в туннелях. О том, где покоятся остальные, история умалчивает.

5. Системы канализации значительно выше, но по туннелям часто течет ледяная вода из подземных источников, порой приходится передвигаться по колено в воде.

6. Независимо от погоды наверху, температура под землей круглый год не превышает тринадцати градусов по Цельсию. Примечание: это очень холодно, особенно если идешь по колено в почти ледяной воде.

7. Сто пятьдесят метров – это сто шестьдесят ярдов, приблизительно длина футбольного поля. Подземного футбольного поля. Чертовски темного.

8. Сталактиты висят на потолке и больно бьют тебя по голове, если не успеваешь пригнуться, а о сталагмиты ты спотыкаешься.

9. Художники, рисующие граффити, – бесстрашные люди.

10. Никогда не верьте невысокому человеку, который говорит, что под землей можно стоять в полный рост.

Рокс охотно делится своими знаниями, будто не замечая моего смятения. Поскольку я оделась сегодня утром для осмотра достопримечательностей, а не для блуждания по катакомбам, то немедленно промокаю до костей, а мои легинсы покрываются грязью. В момент, когда я думаю, что самым трудным делом было пролезть задом в дыру в земле, моему взгляду открывается в неверном свете фонаря низкий скалистый туннель. Рокс идет впереди, освещая путь. Мы, согнувшись, бредем по колено в воде, и мне кажется, что этот кошмар никогда не кончится. Внезапно каменные стены туннеля начинают трястись. Я хватаю девушку за грязный комбинезон, уверенная, что пришел мой смертный час.

– Это поезд, – шепчет она, – когда над нами проходит метро, чувствуется сильнее.

Девушка останавливается, и мне в лицо сыплется каскад мелкого песка. Вместо крови по венам течет чистый адреналин. Я прижимаю свободную руку к груди, уверенная, что у меня сейчас разорвется сердце. И вдруг слышу, что Рол, шлепающий сзади, мурлычет себе под нос бодрую песенку. Он согнулся почти наполовину, и свет от фонаря у него на лбу танцует по воде. Это вселяет надежду.

Рокс ускоряет шаг, хотя грязная вода у нас под ногами таит множество опасностей. Я спешу за девушкой, согнувшись и вытянув руку вперед, на случай если упаду.

– Это подземная вода, не из канализации, – говорит она, – не бойся, от нее не заболеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.